Цикл «Кодекс Голода»

КНИГА 1

ЯИЧНИЦА

КАК СПОСОБ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ МЕЖДУ МИРАМИ

АНДРЕЙ КОВАЛЬ

Андрей Коваль

Книга 1: «Сгоревшая яичница»

«Автор»

2026

Коваль А.

Книга 1: «Сгоревшая яичница» / А. Коваль — «Автор», 2026

Всё началось с того, что я сжёг простую яичницу. В последний раз.Меня зовут Антон. Я повар, которого уволили даже из придорожной забегаловки. Карьера закончилась, когда в тарелку клиента упала муха, а я попытался выдать её за «бесплатный белок».Не прокатило.Потом — удар током, и я очнулся в канаве. В другом мире. Рядом лежит говорящая Книга и радует меня сообщением:— Шкала Совести: . Ты в жопе, парень.Добро пожаловать в Сапорию. Здесь магия — это еда, поварские гильдии правят миром, а местные бандиты уже заказали из меня суп. Из еды — крысиная похлёбка. Из друзей — наглая ворчливая Книга.Но когда готовишь под дулом арбалета, почему-то перестаёшь халтурить. Особенно если на голову падает симпатичная мясница с ножами.Можно ли выжить в магическом мире с одной сковородой и скверным характером? Проверим.Рецепт «Похлёбки бедняка» внутри. Крыса в комплект не входит.

© Коваль А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Яичница как способ перемещения между мирами 5
Глава 1: Крысиный вопрос или философии выживания 11
Глава 2: Третий позвонок, или Место, где умирают мечты 17
Глава 3: Клиенты с арбалетами — лучшая мотивация 22
Глава 4: Суп под дулом арбалета, или Шеф-повар по принуждению 30
Глава 5: Берсерк-суп: теперь с пеной у рта 37
Глава 6: Паркур с антипригарным покрытием 46
Гла 52
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Андрей Коваль
Книга 1: «Сгоревшая яичница»

Пролог: Яичница как способ перемещения между мирами

Меня зовут Антон, мне двадцать пять, и я как бы это сказать — повар. По крайней мере я так себя называю.

И если подумать, что это слово вообще применимо к человеку, который только что уронил бекон мимо сковороды, на которой он его жарил, подобрал его, дунул, протёр о фартук и недолго думая всё-таки запихнул обратно. Бекон жалобно зашипел — тоже, видать, не очень рад такому повороту.

За окном типовой забегаловки с вывеской «У дяди Бори» серое московское утро отмывало тротуары мелким моросящим дождём. Внутри же пахло дешёвым кофе, подгоревшим маслом и безнадёгой. Я в одной руке лопатка, в другой — телефон с новостью об очередном подорожании яиц.

— Так, — переворачиваю яичницу ленивым взмахом. Желток, конечно, лопается и растекается жёлтой лужей. — Шедевр ага. Назовём это «Яйцо-пашот в стиле кантри».

— Эй, любезный! — гаркнули откуда-то из зала.

За столиком сидел мужик. Типичный такой: красный нос, телогрейка, взгляд человека, привыкшего, что мир ему должен, но почему-то не отдаёт.

— Мне яичницу. С беконом. Чтоб желток жидкий, белок схватившийся, но не резиновый. Сделаешь?

— Сделаем, — киваю, не отрываясь от экрана. — Как не сделать.

Бекон, словно почуяв мою некомпетентность, соскальзывает и шлёпается опять прямо на грязную плиту. Слава богу хотя бы не на пол. Бросаю быстрый взгляд на мужика — не смотрит, пронесло. Подцепляю бекон лопаткой, сдуваю пылинку (или это был муравей? неважно) и возвращаю обратно, мысленно применив Правило трёх секунд.

— Вот так рождаются шедевры. Или сальмонелла. Одно из двух.

Готовка в закусочной «У дяди Бори» — третья работа за год. До этого грузил мебель (спина отвалилась), торговал чехлами (научился ненавидеть фразу «как в прошлый раз, только дешевле»). Дядя Боря взял из жалости. Или потому, что согласился на зарплату ниже минимальной. Скорее второе.

Через пять минут тарелка перед мужиком. Выглядит как еда. Если особо не присматриваться.

Мужик тыкает вилкой, жуёт. Лицо приобретает выражение философа, познавшего экзистенциальную тоску.

— Это что, а? — Глаза в глаза.

— Яичница с беконом. По-нашему, по-братски. Как вы и хотели.

Переворачивает кусок вилкой. И тут мы оба видим ЭТО! На нижней стороне, впитавшись в жир, лежит муха. Крупная, навозная, с зелёным отливом. Выглядит так, будто пришла не просто умереть, а сделать это как можно эффектней.

Пауза. Дождь за окном, кажется, тоже затаил дыхание.

— Это… — начинает мужик.

— Это не муха, — перебиваю максимально уверенным тоном. — Это дополнительный белок. Бесплатно. Акция: «Съешь муху — получишь порцию кармы». Сейчас в Европе модно есть насекомых. Экологично, белково, и мухи не бьют копытами. Как-то так.

Мужик медленно багровеет. Лицо наливается кровью так быстро, что я боюсь: его хватит удар прямо здесь. А мне потом за него отвечай. Мне оно надо, нет не надо от слова совсем.

— Ты… — хрипит он, угрожающе поднимаясь из-за стола.

— Дядя Боря! — ору, пятясь. — Дядя Боря, тут клиент хочет выразить особую благодарность лично!

Дядя Боря вылетает из подсобки с грацией разъярённого бегемота. Ему даже объяснять не надо.

— Антон! — Голос не предвещает добра.

— Дядя Боря, я всё объясню…

— Заткнись, недоумок. — Срывает с меня фартук, пуговица отлетает и звякает где-то под столом. Фартук летит в лицо. — Убирайся. Чтоб духу твоего тут не было.

Суёт в руку мятую купюру — расчёт за две недели — и выталкивает за дверь. Хорошо хоть не пнул под зад напоследок.

Дверь хлопает. Дождь тут же принимается поливать с удвоенной силой, присоединяясь к общему мнению.

Плетусь вдоль дороги, пиная пустую пивную банку. Банка гремит, отбивая ритм похоронного марша.

— Опять двадцать пять. Третья работа за год. Может, правда обратно в грузчики? Там хоть мухи карьеру не портят.

В ларьке у метро покупаю набор холостяка: пиво, пачку макарон, банку тушёнки, от которой за версту разит «настоящим мясом», и полбуханки чёрствого хлеба. Деньги тают. В кармане брякает мелочь на проезд, но ехать некуда. До дома и так дойду недалеко.

Моя «квартира-студия» в панельной девятиэтажке, которую жильцы ласково зовут «бункер». Лифт не работает с начала пандемии, и, судя по запаху, там кто-то умер, разложился и реабилитировался. На четвёртый этаж пешком, бутылка в пакете позвякивает в такт шагам.

Дверь открываю ногой. Внутри грязно, пусто, пахнет чем угодно, но не чистотой и свежестью, например вчерашними носками — они, кажется, начали жить своей жизнью и строят планы на завоевание мира, ну или для начала этого помещения. Кружка с чаем на столе, внутри плесень, достойная документалки на National Geographic.

Бросаю пакет на пол, наступаю, матерюсь, перекладываю на табуретку. Подхожу к плите. Среди гор немытой посуды сиротливо стоит старая чугунная сковорода. Тяжёлая, чёрная, с облупившейся эмалью. Бабушкина.

Беру её в руки. Чугун приятно холодит ладони. И вдруг…

…я не в своей грязной квартире. Я на маленькой кухне, пахнет пирожками и хлоркой. За окном — лето, солнечные зайчики прыгают по линолеуму. Бабушка у плиты. В цветочном халате, седые волосы собраны в пучок.

Я маленький. Стою на табуретке, пытаясь заглянуть за плечо бабушки на сковороду.

— Главное, Антоша, не торопись. — Голос тёплый, как тот зайчик. — Яйцо оно нежное. Любит ласку. Его нельзя бить, как врага, его уговаривать надо.

Ловко разбивает яйцо одной рукой — желток падает ровной каплей. Белок схватывается по краям, пузырится.

— И соли чуть-чуть, самую малость. — Щепотка соли сыплется сверху, словно магический ритуал. — А главное — с душой. Тогда вкусно будет. Понял?

Киваю, но взгляд уже приклеился к телевизору в комнате — там «Спокойной ночи, малыши».

Бабушка замечает, грустно улыбается, гладит по голове шершавой ладонью.

— Иди уже, Хрюша важнее. Потом доешь. Главное, не забывай: с душой готовить надо. С душой.

Картинка рассыпается. Я снова стою в своей грязной студии. За окном дождь, кто-то опять тарабанит по батарее.

— Эх, бабуля. — Голос предательски дрожит. — Не научила ты меня главному. Души, что ли, не вложила?

Сую сковороду под мышку, плюхаюсь на продавленный диван — тот издаёт звук предсмертного хрипа какого-то зверя. Включаю телик. Там звёзды шоу-бизнеса учатся готовить. У них всё так легко и красиво получается.

— Ага. У них продюсеры за кадром котлеты жарят, а они просто улыбаются. И мухи им в тарелки точно не падают — знают, что с звёздами шутки плохи.

Открываю тушёнку. Пахнет собачьим кормом. Пробую — выплёвываю обратно в банку, точно собачий корм.

— Ладно. Сам себе яичницу сделаю. На этот раз постараюсь, честную. В честь бабушки.

Бреду на кухню, лью масло на бабушкину сковороду, грею. Пока греется, успеваю допить пиво, пролистать ленту (там всё опять плохо) и даже умудрился дважды мысленно послать всех бывших начальников в далёкие края и глубокие моря.

Масло дымится. Разбиваю яйца. Шипят как-то вяло, без особого энтузиазма. Мешаю лопаткой, превращая всё в месиво, солю щедро (бабушка говорила «чуть-чуть», но я любил поядренее). Отвлекаюсь на какую-то ерунду, потому ещё раз сыпанул соли, от того, что вылетело из головы, солил или нет.

Через несколько минут на сковороде нечто резиновое, подгоревшее по краям и сырое в середине, это еще надо было умудриться — кулинарный Франкенштейн. Пробую — никак. Пусто. Как будто картон, полежавший в масле.

— Да ну тебя, к черту всё. — Швырнул вилку в раковину.

Возвращаюсь в комнату, ставлю сковороду на пол (утром помою), падаю на диван. В розетке за телевизором что-то искрит, а следом подымается дымок. Старый «Рекорд» трещит, по экрану полосы.

— Да что ж ты…!

Подхожу к розетке. Вижу такую неутешительную картину. Провод болтается, оголённые контакты сверкают синими искрами. Надо выдернуть вилку. Даже не задумываясь тяну руку. Мокрую. После того как помыл руки на кухне.

В голове, как насмешка, бабушкин голос: «Главное, Антоша, не торопись».

— А, пронесёт. — Дёргаю за провод.

Удар вышел знатный. Швыряет на пол, перед глазами все цвета радуги и ещё парочка, которых в природе вообще вроде не существует. В ушах звенит, сквозь звон доносится вроде бы голос бабушки: «Ну вот, доигрался, балбес».

Последняя мысль перед темнотой на удивление спокойна:

«Ну вот. Даже сдохнуть нормально не могу. Бабушка, я иду… Надеюсь, там кормят лучше, пирожками, например. И розетки у них с заземлением».

Сознание возвращалось кусками.

Сначала — запах. Так воняет только на помойке в жаркий день, когда коммунальщики бастуют. Сладковато-гнилостная вонь, от которой сводит зубы, и выворачивает желудок.

Следом — звук. Треск костра.

Наконец — осязание. Под головой что-то мокрое, противное. Лежу лицом в грязи, как не задохнулся не знаю.

— А-а-апчхи! — Чихаю и сразу же закашливаюсь.

Приподнимаюсь, сплёвываю землю. Открываю глаза.

Надо мной чужое небо. Не серое как в Москве, а ярко-голубое, с лиловым отливом по краям. Солнце печёт зло, сразу обжигает, неприкрытые участки тела.

Сажусь, оглядываюсь.

Сижу в придорожной канаве, поросшей бурьяном. Рядом, метрах в пяти, костёр. На костре, на ржавой треноге, висит… кто бы подумал МОЯ сковорода. Бабушкина. А в ней дымится та самая яичница, превратившаяся в чёрный брикет.

— Ну, блин. — Выдыхаю. — Яичница умерла вместе со мной и попала, а куда, собственно, мы попали?

Кое-как выползаю из канавы. Рядом с костром валяется мой рюкзак. Старый, армейский, ещё с турпоходов. Совсем забыл про него! Видимо, когда шандарахнуло, я каким-то чудом ухватился за лямку, и мы улетели вместе. Нет, я так маньяком каким-то стану. Убил яичницу, убился сам, да ещё и рюкзак за собой утащил. Всё это диагноз.

Сажусь на траву, осматриваю себя. Руки-ноги целы, голова на месте (вроде), только побаливает чутка. И тут до меня доходит.

— Стоп, — говорю вслух. — Я же только что был в своей квартире. Дёрнул розетку. Был удар. Темнота. А теперь я здесь. Значит… Нет, кроме шуток. Да не может быть.

Пауза. Осознание накрывает, как тот самый удар током, только медленнее и противнее.

— Я всё-таки умер? — шепчу. — Я реально умер? Вот так тупо? Из-за розетки?

Оглядываю канаву, костёр, чужое небо.

— И это загробная жизнь? Канава, вонь и моя собственная сковорода с пригоревшей яичницей? Где облака, где арфы, где бабушка с пирожками, ау? Если это всё же ад, где, в конце концов, черти с вилами? Я что, недостаточно плохо жил, чтобы попасть даже в ад?

Тут я замечаю, что рядом с рюкзаком валяется толстенная книга в кожаном переплёте, с металлическими уголками. Кожа старая, потрескавшаяся, но чувствуется — вещь древняя и наверняка дорогая. Книга раскрыта, страницы желтоватые, чуть светятся изнутри.

«Мог бы и повежливее, балбес — раздаётся голос прямо в голове. — Не в аду ты, ну и не в раю так сказать. Хотя как знать, как знать. В другом мире ты паря. Повезло, считай».

Провожу пальцем по странице. Буквы шевелятся, плывут, складываются в слова.

«Ну и воняет от тебя. Повар, называется! Добро пожаловать в дерьмовый для тебя мир, лентяй. Я — Кодекс Голода. Будешь работать и готовить честно — выживешь. Будешь халтурить, юлить, обманывать — сдохнешь. Здесь за такое по головке не погладят, а сразу отрезают то, чем халтурил. Обычно руки. Иногда голову, если халтура особо вопиющая. А за некоторые особые случаи… М-м… Хотя о чём это я? Не надо пока тебе этого».

Роняю от возмущения и немного испуга книгу. Она шлёпается в траву, обиженно сверкнув страницами. Таращусь на неё, в голове каша.

— Повезло, говоришь? — Вскакиваю. — Меня убило током, я очнулся в канаве, от меня воняет так, что нос сворачивается, и это ты называешь везением?

Поднимаю книгу. Открываю. Текст оказывается уже длиннее:

«А ты хотел в морге очнуться? С биркой на пальце ноги? Или сразу в котле с грешниками? Расслабься. Ты жив. Более-менее. А это уже какой-никакой прогресс».

— Жив? Я в другом мире! С говорящей мать его книгой! Это, по-твоему, нормально?

«Для этого мира — нормально. Для тебя — милок хочешь не хочешь, а придётся привыкать».

Сажусь обратно на траву, с внезапно проснувшимся интересом рассматриваю книгу. Перечитываю надпись. Потом ещё раз.

— Слушай, — говорю, через какое-то время. — А ты чего это выражаешься как гопник со спального района? Ты же вроде как древний артефакт. Магический. Там, наверное, положено говорить высоким стилем, «витиевато вещать», а ты — «воняет», «дерьмовый мир», «доходяга».

Книга замолкает на секунду. Потом на странице появляется новый текст, а в голове звучит уже совсем другой голос — высокий, напыщенный, с театральными интонациями:

«О, достопочтенный смертный, узревший свет сего чуждого мироздания! Да будет тебе ведомо: я есмь Кодекс Голода, древнейший артефакт эпохи Первых Поваров, и речь моя подстраивается под уровень интеллекта и социальный статус носителя, дабы обеспечить максимальную эффективность взаимодействия. Если ты желаешь, я могу вещать на языке богов, коим изъяснялись при дворе императоров…»

— Стоп-стоп-стоп! — Трясу головой. — Тормози. Это что сейчас было?

Голос снова становится прежним:

«А то. Я ж подстраиваюсь под хозяина. Ты как разговариваешь — так и я с тобой. Хочешь, буду как профессор? Могу. Только ты тогда половину не поймёшь, а вторую — проспишь, как на лекции. Так что не возникай давай. Будем по-простому, по-нашему, по-братски».

— По-нашему? — Усмехаюсь. — Ты книжка, я — человек. Какое наше?

«Наше по выживанию, балбес, крепко же тебя приложило-то — философски замечает Книга. — Ты без меня сдохнешь в первый же день. Я без тебя буду валяться опять в канаве, пока меня какой-нибудь бродяга не сожжет. Так что мы теперь команда. Как сын и мать. Или как кот и хозяин — один орёт, второй делает вид, что не слышит. Давай, не отвлекайся. Пожрать найди сначала».

— Ладно, ладно все уговорила — киваю. — Давай по-простому. А то от этого «достопочтенный смертный» у меня самого скулы свело.

«Договорились. Давай, не ной. Пожрать найди сначала, доходяга. Шкала Совести: ---------- (10% — ты в глубокой заднице, парень)».

— Пожрать? Я бы и сам не отказался. А ты кто вообще? Что значит «Шкала Совести»?

«Шкала Совести — твоя вроде как карма, идиот. Халтуришь — падает. Готовишь честно, с душой — растёт. Упадёт до нуля — умрёшь. И не просто умрёшь, а так, что хоронить никто не захочет. От халтурщиков воняет особенно мерзко».

— Сурово. А мир как называется? Город вон там? — Киваю на виднеющиеся постройки.

«Мир — Сапория. Всё вертится вокруг еды. Поварские гильдии правят бал, магия из ингредиентов. Город — Гурманград. Столица этой небольшой округи. Гильдии, трактиры, стража. И куча возможностей сдохнуть, если ты неудачник. Но есть шанс выжить, если будешь слушаться меня».

— Гурманград значит? Звучит как название среднестатистического торгового центра. А что за гильдии такие?

«Мясники, хлебопёки, кондитеры, солевары, фритюрщики, сыроеды, коптильщики… всего двенадцать. Все грызутся за влияние и уважение. А в центре всего этого — Еда, даже не просто, а ЕДА. Так что учись, студент. Жизнь заставит».

— Жизнь уже заставила. — Сую книгу в потрепанный рюкзак. — Ладно, пошли что ли. Знакомиться с местным колоритом. Надеюсь, тут кормят лучше, чем в московских забегаловках.

«Тут кормят так, что пальцы оближешь. Если, конечно, сам не станешь чьим-то обедом. Так что слушай меня. Я плохому не научу. Ну, или научу, но с благими намерениями».

Вскидываю рюкзак на плечи, подхватываю сковороду и бреду в сторону города.

Шкала Совести: ##########(10% — красная, позорная. Ниже только дно Марианской впадины. Ну, или канализация Гурманграда).

Текущий статус: жив (как ни странно), грязен, растерян, но, что главное, при сковороде и при Книге. Минимальный набор для выживания имеется. Впереди — незнакомый город, полный опасностей и запахов еды. В животе пусто, в голове — каша, в руках — чугун. Прорвёмся?

Достижения:

«Электрическое переселение» — умереть от удара током и воскреснуть в канаве (способ открытия нового мира: розетка + мокрые руки).

«Король халтуры» — быть уволенным с трёх работ за год и не потерять оптимизма (почти).

«Мушиный дипломат» — попытаться выдать навозную муху за «дополнительный белок» (попытка провалена и не засчитана).

«Наследие бабушки» — получить древний артефакт (сковороду) и магический гримуар (Книгу) в стартовый набор.

P.S. Книга: «Ну что ж, добро пожаловать в Сапорию».

Глава 1: Крысиный вопрос или философии выживания

На въезде табличка: «Гурманград. Добро пожаловать! Если вы не повар — идите лесом. Если плохой повар — идите лесом вдвойне».

— Мило.

Город — лабиринт грязноватых улочек, покосившихся домишек и шумных рынков. Люди в робах, заляпанных жиром, в кожаных фартуках, все в крови (надеюсь, животных). В воздухе густой запах еды: жареное мясо, свежий хлеб, пряности. Желудок сводит судорогой.

Плетусь по главной площади, прижимая сковороду. Живот урчит так, что прохожие оборачиваются. Мужик с тесаком на поясе уважительно кивает:

— Зверя в себе носишь? Или проглотил кого живьём?

Отмахиваюсь и ускоряю шаг.

У лотка с пирожками останавливаюсь как вкопанный. Пар, аромат — ноги ватные. Пухлая торговка с лицом, не предвещающим добра, ловко переворачивает пирожки.

Оглядываюсь. Никто не смотрит. Рука сама тянется.

— Ах ты падаль! — орёт торговка голосом оперной дивы с матерными обертонами.

Срываюсь с пирожком в кулаке, но из-за лотка вылетает её муж — детинушка под два метра, с кулаками размером с мою голову. С размаху заезжает по шее. Лечу по воздуху, как Супермен на пенсии, и красиво шлёпаюсь в грязь перед какой-то вывеской.

Пирожок вылетает, падает в лужу.

— Держи подачку, нищеброд. — Детинушка наступает сапогом — пирожок превращается в лепёшку.

Лежу, смотрю на растоптанное тесто. Рядом табличка: «Третий позвонок». И ниже: «Трактир для тех, кому нечего терять. Вход бесплатный, выход — за отдельную плату».

— Класс. — Грязь затекает за шиворот. — Я даже украсть не могу нормально. Талант.

Достаю книгу. Открываю. Страницы чуть шевелятся, как живые.

«Шкала Совести: всё те же десять процентов. Но есть хорошая новость: ты жив. Плохая: ты в Гурманграде, где за кражу пирожков могут отрубить руку. Если повезёт — левую».

Рецепт: Похлёбка бедняка.

Ингредиенты: вода, коренья, крыса (обычная полевая?).

Описание: утоляет голод, +5 к выживанию, +10 к самоуважению (если не думать, что ешь).

Примечание: Крысу лучше ловить самому. Дохлая с помойки может быть с проклятием «Вечного голода». Будешь хотеть есть всегда, даже когда сожрёшь себя».

— Ты серьёзно? Крыса?

«Либо крыса, либо сдохнуть. Выбор за тобой. Местные крысы, кстати, вкусные — питаются магическими отходами, мясо с лёгким послевкусием магии».

Вздыхаю. Поднимаюсь.

— Ладно, крыса так крыса. Бабушка, ты бы мной гордилась. Внук до крыс опустился.

Помойка за «Третьим позвонком» — гора отходов, над которой кружат фиолетовые вороны с красными глазами. Косятся на меня с подозрением.

Прячусь за бочкой, сжимая сковороду. Книга рядом, открыта на странице «Охота для чайников».

«Главное — не шуми. Крысы хитрые. Жди жирную и самоуверенную. Если захочешь чихнуть — зажми нос, терпи».

Жду минут пятнадцать. Мимо проходят два бродяги, косятся, но не трогают — видимо, местный псих со сковородой их не интересует.

И тут ОНА.

Крыса вылезает из-под ящика, усаживается на куче мусора, как королева бала. Огромная, жирная, размером с кошку. В глазах — интеллект. Грызёт корку, наслаждается жизнью. Не подозревает, что стала главным блюдом.

— Спокойно, — шепчу. — Ты хищник, ты охотник, ты… блин, я никогда не охотился.

Выскальзываю, крадусь, как в кино. Три метра, два, один. Заношу сковороду…

Левая нога наступает на консервную банку.

Банка с грохотом катится. Крыса поворачивает голову. В глазах: «Ну ты и дебил».

— Стоять! — ору, бросаюсь вперёд. Крыса юркает в мусор.

Спотыкаюсь, лечу лицом в отходы. Вонь вышибает дух. Отплёвываюсь, поднимаю голову — крыса сидит на соседней куче, дожёвывает корку и смотрит с непередаваемым презрением. Кажется, ухмыляется.

— Вот тварь. Издевается.

«Метод „подкрадись“ провален. Остаётся метательное оружие. Кидай сковороду».

— Я вообще ничего не умею.

«Сейчас проверим».

Встаю, отряхиваюсь от капустных листов. Целюсь. Крыса наблюдает с любопытством, вылизывает лапки.

— Прости, брат. — Метаю.

Сковорода со свистом рассекает воздух. Крыса дёргается поздно — чугун плашмя врезается ей в бок. Глухой звук «бумц». Крысу подбрасывает, она смешно переворачивается в воздухе и падает за кучу.

Не веря удаче, бегу туда. Крыса на боку, лапы судорожно дрыгают. Жива. Глаза полны боли и обиды: «За что? Я просто хотела есть».

И тут накрывает.

Стою над тушкой, тяжело дыша. В руке сковорода, на совести — только что убитое живое существо. Смотрю на крысу, которая ещё дёргается, и меня накрывает второй волной.

— Господи, — шепчу. — Я только что убил крысу. Сознательно. Хладнокровно. Сковородой.

Книга молчит, давая мне пережить этот момент.

— Я никогда никого не убивал. Даже мух старался выгонять, а не хлопать. А тут — крыса. Большая. Живая. Я — убийца.

Опускаюсь на корточки, рассматриваю её. Шёрстка ещё тёплая, глазки застыли.

— С другой стороны, — продолжаю вслух, — она бы меня не пожалела. Если бы я был крысой, а она — мной, она бы сожрала меня без зазрения совести. Так ведь?

«Истина где-то рядом», — вставляет Книга. Голос у неё спокойный, без обычной подначки.

— Но всё равно как-то… неправильно. Я же вроде человек. Царь природы. А тут — бью крыс сковородой и радуюсь, что будет ужин.

Пауза. Смотрю на небо.

— Бабушка, ты меня видишь? Твой внук — убийца крыс. Гордишься?

«Она бы гордилась, что ты выживаешь, — Книга помолчала, потом добавила уже мягче. — А не тем, что ты убил. Тут каждый день выбор: или ты, или тебя. Ты выбрал себя. Это нормально».

— Нормально? Убивать, чтобы жрать?

«А ты думал, откуда в супермаркетах мясо берётся? Там тоже кто-то умирает. Просто ты этого не видел. А тут — видишь. Привыкай».

Вздыхаю. Беру нож.

— Ладно. Раз уж убил — надо использовать по полной. Не пропадать же добру.

И начинаю разделку, стараясь не думать о том, что это было живое…

Разделка — отдельная песня. Выворачивает три раза, руки трясутся, шкура снимается плохо, книга выдаёт советы то деловитые, то ехидные: «Начинай с живота», «Не порти мясо», «Кровь добавь в похлёбку — это же чистый белок и железо, мать твою». Но когда тушка превращается в аккуратные кусочки нежно-розового мяса, происходит странное. Я смотрю на них, и вместо отвращения чувствую что-то другое. Голод. Самый настоящий, животный голод, от которого сводит челюсти.

— Господи, — шепчу. — Я хочу это съесть. Я реально хочу съесть крысу.

«Поздравляю, — в голосе Книги прорезалось что-то вроде уважения. — Ты только что прошёл инициацию. Теперь ты официально готов к выживанию. Кстати, мясо у неё хорошее, жирненькая. Если не запоришь — пальчики оближешь».

В какой-то момент, копаясь в требухе, перед глазами плывёт…

Я маленький, лет восемь. На рынке. Пахнет мясом, соленьями. У меня ни гроша, а есть хочется так, что под ложечкой сосёт.

Вижу лоток с хлебом. Буханки румяные, с хрустящей корочкой. Продавец отвернулся.

Шаг, другой. Хватаю буханку, бегу.

— Стой! Держи вора!

Бегу, петляю, спотыкаюсь о корзину, лечу носом в грязь. Буханка падает рядом, пачкается.

Торгаш настигает, замахивается, но мужик в кепке останавливает: «Брось, с пацана взять нечего». Продавец пинает для порядка и уходит.

Поднимаю буханку. Грязную, мокрую. Сдираю корку и жую, давясь. Хлеб пахнет землёй, но он самый вкусный в жизни.

Картинка тает.

Сижу на корточках перед кусочками мяса. На глазах слёзы.

— Да, бабуль. Ты бы мной гордилась. Я доел крысу до конца. Буквально.

Костёр развожу минут сорок. Спичек нет, зажигалка пустая, огниво в рюкзаке, но пользоваться им не умею. Книга комментирует каждую неудачу с таким видом, будто специально ждала, когда я опозорюсь, но я уже не злюсь — сил нет.

Наконец, когда я готов разреветься от злости и голода, трут занимается. Раздуваю, подкладываю ветки, и через пару минут у меня горит приличный костёр. Живительное тепло разливается по ладоням.

Достаю куски крысы. Они лежат на лопухе, розовые, с прожилками жира. Странно, но в свете костра они выглядят почти аппетитно.

— Ну, бабуль, — бормочу, — смотри, чему внук научился.

Ставлю сковороду на угли — пусть прогреется. Сам иду собирать коренья, как учила Книга. Лопух, одуванчик, какой-то дикий лук, который я нахожу по запаху. Всё это отправляется в миску с водой, отмокать от грязи.

Сковорода уже шипит. Кладу на неё кусок сала, которое чудом нашёл у крысы под шкурой, и жду, пока вытопится жир. Запах — божественный. Так пахнет только настоящая еда, а не синтетическая дрянь из пакетов.

«Молодец, — одобряет Книга. — Сало вытопил. Теперь мясо не пригорит и будет сочным. Бабушка бы одобрила».

Кидаю мясо. Оно зашипело, зашкворчало, и по поляне поплыл такой аромат, что у меня потемнело в глазах. Я сижу на корточках, как собака перед миской, и глотаю слюну. Она течёт так, что приходится вытирать подбородок рукавом.

— Переверни, идиот, — рявкаю сам на себя, потому что Книга молчит — видимо, тоже наслаждается.

Переворачиваю. Мясо подрумянилось, покрылось золотистой корочкой, жирок шкворчит и пузырится. Я снова сглатываю. Желудок издаёт такой звук, что, кажется, в кустах кто-то вздрагивает.

«Теперь коренья и воду, — командует Книга. — И соли не забудь, горе-повар».

Заливаю водой из фляги, кидаю коренья, солю от души. Бульон закипает, и запах меняется — становится глубже, насыщеннее. Я втягиваю носом пар и чувствую, как кружится голова. Не от голода — от предвкушения.

Десять минут варки тянутся вечность. Я сижу, уставившись в сковороду, и наблюдаю, как бульон темнеет, мясо размягчается, коренья развариваются. Я нюхаю, сглатываю, снова нюхаю. Руки трясутся от нетерпения.

И вдруг замечаю — сковорода начинает слабо светиться изнутри. Золотистое такое свечение, тёплое, как солнце сквозь веки.

— Ты видишь? — шепчу.

«Вижу, — тихо отвечает Книга. — Первое честное блюдо. Магия признала тебя. Давай, пробуй».

Снимаю сковороду с огня. Даю постоять минуту — не могу больше ждать. Зачерпываю ложкой бульон, дую, обжигаю губы и — отправляю в рот.

И мир останавливается.

Я не знаю, как это описать. Это не просто вкусно. Это… правильно. Бульон наваристый, с лёгкой горчинкой трав, мясо тает на языке, отдавая чем-то диким, первобытным, но при этом невероятно нежным. Я чувствую каждую ноту — хотя положил только соль и коренья. Это похоже на… ну, знаете, когда в детстве ешь что-то, приготовленное бабушкой, и кажется, что вкуснее ничего в мире нет. Вот тут так же, только в сто раз сильнее.

Я жру. Жру, обжигаясь, не чувствуя, как слёзы текут по щекам — то ли от пара, то ли от счастья. Вылавливаю куски мяса, отправляю в рот, чавкаю, рычу от удовольствия. Мясо нежное, сочное, с лёгким сладковатым привкусом — наверное, от тех магических отходов, которыми крыса питалась. Бульон обволакивает горло, разливается теплом в желудке. Выскребаю всё до дна, обгладываю каждую косточку, облизываю пальцы и ложку. Сковорода вылизана до блеска.

Откидываюсь на спину. Смотрю в небо. По телу разливается тепло — не только от горячей еды. Другое тепло, глубокое, внутреннее. Как будто я не просто наелся, а сделал что-то очень важное. Что-то, за что бабушка бы меня похвалила.

— Боже, — выдыхаю. — Я только что съел крысу и мне понравилось. Она была вкусной. Очень вкусной. Что со мной не так?

«Всё так, — отвечает Книга мягко, без обычной язвительности. — Ты просто впервые в жизни приготовил честно. С душой. Как бабушка учила. И теперь твоя душа откликается. Поздравляю, Антон. Ты только что сделал первый шаг».

— Но крыса же!

«А что крыса? Мясо как мясо. Ты бы ещё удивился, что в походе зайца едят. Или белочку. Или… не будем о грустном. Главное — вкусно и честно. Шкала выросла, ты сыт, мир прекрасен. Расслабься».

Лежу, перевариваю. И вдруг начинаю смеяться. Тихо сначала, потом громче, потом уже почти истерически.

— Я умер, — говорю сквозь смех. — Попал в другой мир. Убил крысу. Съел её. И мне понравилось. Моя жизнь превратилась в дешёвый роман про попаданцев. Только без гарема и геройств. Зато с крысой. С жирной, вкусной крысой.

«Гарем ещё будет, — ехидничает Книга. — Если доживёшь. А геройство — оно в мелочах. Крысу убил, похлёбку сварил — уже герой. Для начала».

— Утешила. — Вытираю слёзы. — Ладно, пошли дальше. Интересно, что ещё этот мир приготовил? Надеюсь, не придётся есть тараканов.

«Не зарекайся», — многозначительно отвечает Книга.

Вздрагиваю. Открываю Книгу. Страницы светятся золотым:

Шкала Совести: ---------- (30% — прогресс, бродяга! Скачок на 20% за первое честное блюдо! Уважаю.)

Эффект: Сытость (+10 выносливости, +20 настроения, +5 к самоуважению).

Достижение: «Первый шаг» — приготовить первое честное блюдо в новом мире.

Получен титул: «Крысолов-любитель».

P.S. Местные зовут это «Похлёбка бродяги». Ты теперь официально в клубе «Я жрал крысу и выжил». Гордись. И да, я серьёзно — это реально достижение. Не каждый попаданец решается».

— Крысолов-любитель, — усмехаюсь. — Звучит как оскорбление.

«Носи с гордостью. И не вздумай халтурить дальше. Я за тобой слежу».

Закрываю Книгу. В животе урчит от сытости, на душе — странный покой. Впервые за долгое время я чувствую, что сделал что-то правильное.

— Бабушка, — шепчу в темнеющее небо. — Кажется, я начинаю понимать. С душой — это действительно вкуснее. Даже крыса.

В кустах шорох. Хватаю сковороду.

Из кустов выходят двое. Бродяги: лохмотья, драные штаны, лица в саже. Один с дубиной, второй с кулаком-гирей.

— Эй. — Принюхивается первый. — Чем это так пахнет? Покажь, чё варил.

— Личное.

— Слышь, — здоровяк шагает вперёд. — Ты не местный. А мы местные. Хотим жрать. Давай сковороду, остатки, разойдёмся мирно.

Медленно поднимаюсь, сжимая сковороду.

— Сковорода моя. Еды больше нет. Всё съел.

— Врёшь. Должно было остаться.

— Это смотря как готовить.

«Если нападут — бей первого сковородой по голове, второго ногой в пах. Три секунды у тебя есть. Шкала Совести: самооборона не считается халтурой, так что валяй».

Здоровяк замахивается дубиной. Тело срабатывает быстрее головы — ухожу в сторону, со всей дури въезжаю сковородой ему в висок. Звук — будто по арбузу. Бродяга оседает.

Второй замирает, глаза по пятаку.

— Ну? — Заношу сковороду. — Иди сюда, угощу.

Тот пятится, разворачивается и сигает в кусты. Треск веток затихает вдали.

Опускаю сковороду. Первый дышит — жив.

«Шкала без изменений — самооборона не карается. Обыщи карманы — вдруг что ценное».

Наклоняюсь, обшариваю. Три медяка, грязный платок, засохший хлеб. Хлеб забираю, медяки тоже. Платок выбрасываю.

«О, смотри, это местные деньги. Три медяка — почти миллионер по меркам нищего. Шучу. На три медяка купишь только вяленую рыбу, да и то если продавец будет в хорошем настроении».

Прячу монеты, закидываю сковороду и книгу в рюкзак, подхватываю дубину поверженного (пригодится) и бреду к трактиру.

Перед дверью «Третьего позвонка» останавливаюсь, смотрю на вывеску.

— Ну что, Книга, работу искать?

«Заходи, знакомься с колоритом. Устроишься на посуду — там и до поварского ранга недалеко. Только не халтурь. Я слежу».

Толкаю дверь.

Глава 2: Третий позвонок, или Место, где умирают мечты

Толкаю дверь, и меня накрывает.

В прямом смысле. Волной запахов, звуков и визуального кошмара.

В нос — вонь кислого пива, пота, жареного лука и чего-то ещё, что я определяю как «аромат безнадёжности» с нотками «уборщица заболела месяцназад». Гул голосов, звон кружек, чей-то пьяный смех и мат — всё смешивается в какофонию, от которой закладывает уши.

Внутри темно, хоть глаз выколи. Свет дают только пара масляных ламп над стойкой да тусклое пламя очага в углу. Грязно — пол липкий, столы заляпаны, на стенах пятна непонятного происхождения.

За стойкой толстый красномордый мужик орёт на тощего паренька в замызганном фартуке:

— Мыть, а не нюхать! Ещё раз увижу грязную тарелку — сам её вылижешь, понял?! Я из тебя три шкуры спущу и на ремень пущу!

Паренёк, лет шестнадцати, с глазами загнанной лошади, часто кивает и исчезает в дверях, ведущих, видимо, на кухню.

Подхожу к стойке. Стараюсь, чтобы голос звучал уверенно.

— Здравствуйте. Работа нужна?

Мужик оборачивается. Красная рожа, заплывшие глазки, золотой зуб сверкает в свете лампы. Окидывает меня взглядом с ног до головы: грязный, с фингалом под глазом (откуда он взялся — ума не приложу, видимо, при падении заработал), сковорода из рюкзака торчит, дубина в руке. На дубине взгляд задерживается чуть дольше.

— А это что? — Кивает на оружие.

— Для самообороны. — Пожимаю плечами. — Тут, говорят, опасно.

— Тут везде опасно, — хмыкает. — Особенно если с дубиной по трактирам ходить. Убери, а то клиентов распугаешь. И так рожи у них не фонтан, а тут ещё ты с бревном наперевес.

Сую дубину в угол у стойки, рядом с пустыми бочками. Провожает её взглядом, будто прикидывает, не пригодится ли она ему самому для выбивания долгов.

— Повар? — наконец выносит вердикт. — Больно доходяжный.

— Ну… — Пожимаю плечами. — Формально да.

— Посуду мыть умеешь?

— Умею. — Киваю, хотя вообще-то посуду я дома не мыл принципиально, считая это занятием для тех, у кого нет посудомоечной машины. Но у меня и машины не было.

— Жрать дадут? — спрашиваю главное.

— За еду и угол будешь вкалывать, — отрезает. — Научишься — будешь готовить. Не научишься — вышвырну. Понял?

— Понял.

— Меня Гуннар звать. — Протягивает руку. Ладонь широкая, мокрая и липкая. Я пожимаю, стараясь не морщиться.

— Антон.

— Давай, Антон. — Гуннар машет в сторону двери, куда убежал паренёк. — Там Кривой, посудомойка. Он тебе покажет, что к чему. Работай, не выёживайся. Без фокусов, ясно? За мух в тарелках знаешь, что бывает?

— Что? — на всякий случай спрашиваю.

— Самому жрать заставляем. Вместе с мухами. — Гуннар скалится, демонстрируя неровные жёлтые зубы. — У нас тут экология, понимаешь? Ничего не пропадает.

Сглатываю. Иду на кухню.

«М-да, — Книга вздыхает у меня в голове. — Интерьер в стиле „дно пробито, конец близок“. Ты как раз впишешься. Смотри, тут даже тараканы выглядят уставшими от жизни».

— Помолчи, — мысленно огрызаюсь. — Дай хоть осмотреться.

Кухня встречает меня горами посуды. Грязные тарелки, миски, кружки, кастрюли — всё это навалено в здоровенном корыте с мутной водой, на поверхности которой плавают остатки еды и что-то, напоминающее пену, но вряд ли мыльную. На полу липко, пахнет так, будто здесь не убирали со дня основания трактира. Кривой — тощий паренёк с нервным тиком — возится у корыта, яростно натирая тарелку мочалкой.

— Привет, — говорю. — Я Антон, новый посудомойка.

Кривой поднимает глаза. В них читается глубокая, вселенская усталость и лёгкое помешательство.

— Привет, — отвечает он тихо. — Я Кривой. Хотя вообще-то я не кривой, это просто кличка. Прозвище. Понимаешь?

— Понимаю.

— Гуннар говорит, я косой, потому что один глаз всё время щурю, — продолжает Кривой, не переставая тереть тарелку. — А я не щурю, у меня просто нервный тик. От стресса. А стресс у меня от Гуннара. Замкнутый круг.

Он вздыхает и откладывает тарелку в сторону чистой — по крайней мере, на вид.

— Ладно, давай покажу, что к чему. — Кривой вытирает руки о фартук, который чище не становится. — Вот это корыто. В нём вода. Воду меняют раз в день. Если успеешь. Я обычно не успеваю.

— А когда надо менять?

— Когда почернеет. — Кривой смотрит на воду, потом на меня. — Она уже почернела. Видишь?

Я смотрю. Вода и правда почти чёрная.

— И ничего?

— А что я могу? — Пожимает плечами Кривой. — Гуннар сказал: мой давай. Я мою.

«Стратегия „раб на галерах“, — комментирует Книга. — Эффективно, но для кармы вредно. У него, не у тебя. Ты пока просто наблюдаешь».

— А чистая посуда где?

— Вон там. — Кривой показывает на стеллаж, заваленный грязными тарелками. — То есть она должна быть там. Но её туда никто не убирает. Мы моем, Гуннар ругается, мы моем ещё.

— Мы? — переспрашиваю. — Нас двое?

— Ага. — Кривой кивает. — Но всё равно не справляемся. Гуннар говорит, что специально нанимает таких, кто долго не выдержит. Текучка у него, понимаешь? Я уже две недели держусь — рекорд поставил. До меня никто больше пяти дней не выживал.

— А чего ты держишься?

— А куда идти? — Кривой смотрит на меня с такой тоской, что становится не по себе. — Тут хоть жрать дают. И угол. А на улице — бродяги, стража, холод. Я лучше здесь, с тараканами.

«Парень — местный философ, — замечает Книга. — Экзистенциалист, мать его. Скоро начнёт рассуждать о смысле жизни в грязной посуде».

— А чего он на тебя орёт всё время? — спрашиваю, кивая в сторону зала.

— Гуннар-то? — Кривой усмехается. — Он на всех орёт. Это его способ общения. Если молчит — значит, или спит, или собирается уволить. Лучше уж пусть орёт.

Закатываю рукава. Вода ледяная, жир противно обволакивает пальцы. Беру тарелку, тру. Жир не оттирается. Тру сильнее. Тоже не особо.

— Надо горячей, — подсказывает Кривой. — Но горячую не дают. Гуннар говорит, дрова дорогие.

— А чем мыть?

— Вот этим. — Он протягивает мне серый комок, отдалённо напоминающий мыло. — Какое-то местное. Вроде щёлочь. Пальцы потом щиплет.

Пробую. Мыло и правда щиплет, но жир начинает отходить.

«Шкала пока не падает, — замечает Книга. — Но, если будешь халтурить, упадёт. Гуннар, может, и не заметит, но я-то всё вижу».

— Я понял, — бурчу под нос.

— Чего? — переспрашивает Кривой.

— Ничего. С тарелкой разговариваю.

Кривой смотрит на меня с новым интересом.

— Ты тоже? — спрашивает он шёпотом. — Я думал, я один такой. Иногда мне кажется, что кружки на меня обижаются. Особенно вон та, с отбитым краем. Она на меня косо смотрит.

«О, — встревает Книга. — А вот и подтверждение. Местный посудомойка точно с приветом. Или это у всех, кто здесь работает, крыша едет? Ты смотри, не подхвати».

— Кривой, ты вообще где? — орёт Гуннар из зала. — Работай, мать твою!

Кривой вздрагивает и ныряет обратно в корыто. Я остаюсь с тарелками.

Час. Два. Три. Руки распухли, кожа сморщилась, пальцы перестали чувствовать температуру воды. Я перемыл гору посуды, которая, кажется, только увеличивается. Кривой работает рядом, периодически вздрагивая и что-то бормоча.

«Шкала упала на пять процентов, — замечает Книга. — Жир на тарелке остался. Я же предупреждала».

Оглядываю тарелку, которую только что отложил. И правда, в уголке остался жирный развод. Вздыхаю, тру заново.

— Слушай, — обращаюсь к Кривому в перерыве между партиями посуды. — А что это за место вообще? Гурманград, гильдии… Я тут недавно.

— Недавно? — Кривой смотрит на меня с сочувствием. — Сочувствую. Привыкай. Гурманград — столица округи. Тут всем заправляют гильдии. Мясники, хлебопёки, солевары… У каждой своя территория, свои правила. Если не в гильдии — ты никто. Работаешь за еду.

— А ты в какой гильдии?

— Я? — Кривой горько усмехается. — Я посудомойка. Мне гильдия не светит. Максимум — в Гильдию Уборщиков, если такая есть. А её нет. Потому что уборщики никому не нужны.

Он замолкает, погружаясь в меланхолию.

«Парень прав, — комментирует Книга. — Гильдии — это элита. Но ты, если не запоришь, можешь до них дорасти. У тебя есть я. А у него — только кружки с отбитым краем и экзистенциальная тоска».

— Спасибо, утешила, — мысленно отвечаю.

— А что за гильдия Мясников? — спрашиваю у Кривого. — Я слышал про них.

— Мясники? — Кривой оживляется. — О, это крутые ребята. У них своя бойня, свои лавки, они поставляют мясо во все трактиры. Если мясник — ты при деньгах. Особенно если мастер разделки. Говорят, у них есть девушка одна… Грета, кажется. Молодая, а уже мастер. Её все боятся. Она с ножом обращается так, что мужики в штаны делают.

— Грета? — переспрашиваю.

— Ага. — Кривой понижает голос. — Говорят, она сирота, выросла на бойне. С детства с мясом. И характер — зверь. К ней лучше не лезть. А чего ты спрашиваешь?

— Да так. — Пожимаю плечами. — Интересно просто.

«О, уже интересно, — ехидничает Книга. — Роман на горизонте. Только сначала посуду домой, Казанова. И про фингал свой не забудь — с таким лицом только мышей пугать, а не мясницких девушке впечатление производить».

— Да ну тебя, — мысленно отмахиваюсь.

Часы тянутся. Гуннар периодически заглядывает на кухню, орёт на Кривого, иногда на меня, но в основном просто орёт — для профилактики. Я уже начинаю привыкать к вони, к липкому полу, к бесконечной грязной посуде. Руки болят, спина затекла, но внутри теплится странное удовлетворение. Я работаю. Честно. Не халтурю. Бабушка бы одобрила.

И вдруг, когда я уже собираюсь попросить у Кривого передышку, дверь на кухню распахивается с такой силой, что ударяется о стену.

На пороге стоит девушка.

Лет двадцати, может, чуть больше. Тёмные волосы собраны в небрежный пучок, из которого выбиваются непослушные пряди. Одета в кожаный фартук, перепачканный кровью — свежей, судя по цвету. На поясе — несколько ножей разного размера, главный из которых — кривой мясницкий тесак, длиной с мою руку. Руки по локоть в том же красном.

Но главное — глаза. Тёмные, цепкие, оценивающие. Она окидывает взглядом кухню, Кривого, который вжимает голову в плечи, и останавливается на мне. Смотрит так, будто прикидывает, на какие куски меня лучше разделать.

— Ты что, новый посудомойка? — Голос хрипловатый, низкий, будто она только что кричала на кого-то или пела в рок-группе. — А где Гуннар?

Сглатываю. Во рту пересохло.

— В зале, — отвечаю, стараясь, чтобы голос не дрожал. — С клиентами.

Она хмыкает, проходит мимо, буквально на пару шагов, и я чувствую запах — дым, кровь, и что-то ещё, пряное, неуловимое. Останавливается, поворачивается ко мне.

— Новенький, значит. — Это не вопрос, скорее утверждение. — И как, справляешься?

— Стараюсь.

— Старается он. — Она усмехается уголком рта. — Смотри, тут если стараться, можно и без рук остаться. Гуннар за халтуру знаешь, что делает?

— Слышал уже.

— Ну-ну. — Она подходит ближе, смотрит на мои руки, распухшие от воды. — Первый день?

— Первый.

— Долго ты здесь не протянешь, — выносит вердикт. — Слишком чистый.

— Я не чистый, — возражаю. — Я просто… не местный.

— Это видно. — Она усмехается. — Ладно, удачи, неместный.

И выходит так же внезапно, как появилась. Дверь за ней захлопывается.

Я стою, глядя на дверь. В голове пустота. Только сердце колотится где-то в горле.

— Это… — начинаю.

— Она, — кивает Кривой, который всё это время старался быть незаметным. — Грета. Мясник. Я же говорил.

«Ого, — комментирует Книга с непередаваемой интонацией. — А она ничего. В смысле, страшная, конечно, как атомная война, но харизма — зашкаливает. Ты покраснел, кстати. И про фингал свой забыл — она даже не поморщилась. Это знак».

— Не краснел я.

«Краснел-краснел. У тебя даже уши горят. Первая любовь, ёлки-палки, в мире, где надо выживать, а не влюбляться. И посуду мыть. Мой давай, Ромео, а то Шкала упадёт ещё».

— Отстань.

«Не отстану. Это интересно. Продолжай мыть, у тебя ещё гора».

Вздыхаю. Возвращаюсь к корыту. Но мысли — не о посуде. Мысли о тёмных глазах, о хриплом голосе, о ножах на поясе.

— Кривой, — спрашиваю. — А она часто сюда заходит?

— Грета-то? — Кривой пожимает плечами. — Иногда. Мясо привозит. Или забирает кости для бульона. А что?

— Да так. Интересно просто.

«Интересно ему, — ехидничает Книга. — Ты бы видел своё лицо. Ладно, работай. Ещё успеешь налюбоваться. Если она, конечно, тебя в фарш не превратит раньше».

— Иди ты…

Но в душе — тепло. Не только от работы. От того, что в этом вонючем, грязном, безнадёжном мире есть кто-то, кто заставляет сердце биться чаще.

Мою тарелку и улыбаюсь.

Глава 3: Клиенты с арбалетами — лучшая мотивация

Утро в «Третьем позвонке» встречало меня привычным набором удовольствий: ломотой в спине от продавленной лежанки на кухне, запахом вчерашнего жира и мерным бормотанием Кривого, который уже полчаса раскланивался с горшком.

— Доброе утро, уважаемый, — шептал он глиняному изделию с отбитой ручкой. — Как спалось? Не дуло? Я тут подвинул тебя поближе к печи, чтобы ты просох… А вон та миска, она вчера на меня косо смотрела, пришлось извиняться три раза. Представляешь, она оказалась обидчивая, потому что я её с синей тарелкой в один ряд поставил, а они, видите ли, разных мастей…

Я сел, хрустнув шеей. Тело чувствовало себя так, будто я не спал, а участвовал в подпольных боях без правил и с треском проиграл. Пальцы, распухшие от вчерашней воды и щёлочи, отказывались сгибаться. Каждый сустав молил о пощаде.

— Кривой, — позвал я сипло. — Ты зачем с горшком разговариваешь?

Он обернулся, и в его глазах читалась глубокая, космическая грусть человека, познавшего тайны мироздания и обнаружившего, что они не особо радуют.

— Чтобы он не обижался, — пояснил Кривой тоном профессора, читающего лекцию первокурсникам. — Горшки тонкую душевную организацию имеют. Вчера я его уронил. Случайно. А он молчит, но я чувствую — осуждает. Надо было извиниться. Ты бы тоже извинился, если б тебя уронили.

Я посмотрел на горшок. Горшок смотрел на меня своей отбитой ручкой, и, клянусь, в его взгляде действительно читалось холодное презрение пополам с высокомерием.

— Кривой, — осторожно начал я, — а ты не думал, что горшки… ну, это просто посуда? Глина, обожжённая в печи. Без души, без сознания?

Кривой посмотрел на меня с безграничным состраданием, как смотрят на несчастного, потерявшего веру в человечество, или на котёнка, который пытается поймать лазерную указку и не понимает, почему не получается.

— Глупый ты ещё, Антон, — вздохнул он. — Необстрелянный. Вот поработаешь с моё, поймёшь. Здесь каждая тарелка характер имеет. Вон та, синяя, с ободком, — она злая. Я её всегда последней мою, чтоб не задиралась. Она, видишь ли, из престижного сервиза, а мы тут черти кто. А вон та, с трещиной, — она меланхоличная, любит, когда ей грустные песни поют. Я ей вчера «Ой, мороз, мороз» напел — она аж заблестела от благодарности.

Я решил не углубляться в психоанализ кухонной утвари. В конце концов, у меня была Книга, которая разговаривала, материлась и имела собственное мнение по любому вопросу. Мне ли удивляться?

Достав Книгу из рюкзака, я раскрыл её на странице статуса. За ночь она успела подсветиться новыми данными.

Статус Антона (утро после первого рабочего дня)

Уровень: 1 (ну, бывает, не всем же богатырями рождаться)

Ранг: Посудомойка-халтурщик (неофициально, но метко)

Освоенные школы: никакие, ты вообще ноль без палочки

Шкала Совести: ---------- (20% — упало ещё на 10% за ночь, потому что ты даже во сне умудряешься халтурить. Я серьёзно, ты во сне так некрасиво готовил, что у меня страницы сворачивались. Так и будешь дрыхнуть — проспишь всю карму)

Текущие дебаффы: «Распухшие руки» (-10 к ловкости, не сможешь нормально чистить картошку), «Запах безнадёжности» (отталкивает противоположный пол, -15 к харизме, даже крысы нос воротят)

Рецепты: 1 (Похлёбка бедняка) — ну, хоть что-то, мог бы вообще без рецептов сидеть

Достижения: «Крысолов-любитель» (носи с гордостью, идиот, не каждый может похвастаться, что убил крысу сковородой)

— Какие ещё пять процентов? — возмутился я шёпотом. — Я спал! Я вообще-то отдыхал, силы восстанавливал!

«Ты во сне воздух испортил, тем самым испоганил атмосферу на кухне, — невозмутимо отозвалась Книга. — Тоже, между прочим, халтура. Карма не дремлет. Она, знаешь ли, круглосуточно работает, без выходных и перерывов на обед. А у тебя обед, между прочим, скоро. Если, конечно, доживёшь».

— Да пошла ты…

Договорить я не успел.

Дверь из зала распахнулась с такой силой, что бедный Кривой подпрыгнул и уронил половник. Половник, судя по звуку падения и последовавшему за ним тоскливому вздоху Кривого, обиделся смертельно и, кажется, уже писал прощальную записку.

На пороге стоял Гуннар.

Но это был не тот Гуннар, который вчера орал на посудомойщиков с ленивой уверенностью хозяина жизни, этакого царька в тазике с грязной водой. Этот Гуннар был бледен, как мука высшего сорта, глаза его бегали, а руки мелко тряслись, словно у него случился внезапный приступ болезни Паркинсона, усиленный ужасом. Он напоминал человека, который только что встретил призрака, занял у него денег, а теперь не знает, как отдавать.

— Антон! — выдохнул он голосом, в котором смешались мольба, ужас и предсмертный хрип оперного певца, которому наступили на горло. — Антон, выручай!

Я насторожился. Когда трактирщики, которые за халтуру руки отрезают (и это не фигура речи, как выяснилось), начинают просить о помощи голосом нашкодившего щенка, это не к добру. Это к большой, жирной, хорошо организованной беде.

— А что случилось? — спросил я, предусмотрительно придвигая к себе сковороду. — Пожар? Потоп? Нашествие гигантских тараканов? Кривой вон говорил, что его горшок что-то подозрительное бормотал ночью про беду.

— Хуже! — Гуннар схватился за сердце. — Сейчас приедут ОНИ!

— Кто — они?

— «Клыки Черепа»! — выпалил Гуннар и закашлялся, поперхнувшись собственным страхом. — Банда Крута! Самый страшный сброд в округе! Грабят трактиры, выбивают долги, а недовольных клиентов… ну, в смысле, нас… пускают на фарш! В прямом смысле! У них там мясорубка ручная, говорят, очень качественная, ещё гномьей работы!

Кривой тихонько взвизгнул и спрятался за бочку с соленьями. Оттуда донёсся его приглушённый, полный экзистенциальной тоски голос:

— Я говорил! Говорил, что синяя тарелка беду накликала! Она вчера так зло сверкнула, когда я её мыл! Я ещё подумал: не к добру это, не к добру! Надо было жертву принести, половник ей подложить, а я поленился!

Гуннар даже не обратил на него внимания. Он вцепился в мою руку мокрой, липкой ладонью, пахнущей кислым пивом и отчаянием.

— Понимаешь, какая штука, Антон… Повар мой, Косой Захар, он… ну, он заболел. Сильно.

— Чем?

— Белой горячкой, — выдохнул Гуннар трагическим шёпотом. — Вчера перепил с заезжими купцами из Вяленого края, и теперь ему мерещится, что он — румяный пирожок с капустой и его хотят съесть. Лежит в подсобке, накрылся скатертью и трясётся. Боюсь, к вечеру совсем зачерствеет. А если его съедят, кто мне посуду мыть будет? Ты один не справишься!

Я представил мужика, который искренне считает себя выпечкой. Мужик, накрытый скатертью, дрожит и бормочет: «Не ешьте меня, я ещё не пропёкся». С одной стороны, смешно. С другой — диагноз. Тяжёлый случай кулинарного помешательства.

— А я тут при чём? — спросил я, пытаясь высвободить руку из липкого плена. — Я посуду мою. Ты сам сказал: «Пока готовить не умеешь — мой давай, не высовывайся». Я и мою. Между прочим, честно. Почти. Кривой вон подтвердит, я сегодня ни одной тарелки не разбил и даже с горшком поздоровался.

— Готовить будешь! — рявкнул Гуннар, мгновенно теряя молящий тон и возвращаясь к привычному ору, от которого у Кривого начинался тик. — Давай, шевелись! Если «Клыки» не накормить, они всю таверну разнесут! Меня убьют! Тебя убьют! Кривого убьют! Даже синюю тарелку разобьют! А она, между прочим, антиквариат, мне её тёща дарила!

— А Кривой как раз говорил, что она злая… — машинально заметил я. — Может, оно и к лучшему?

— МНЕ ПЛЕВАТЬ НА ЕЁ МНЕНИЕ! — заорал Гуннар так, что с потолка упал кусок штукатурки и, кажется, обиженно вздохнул. — Ты готовить будешь! Живо! Быстро! Бегом! И чтоб без мух в тарелках!

«А вот и первое серьёзное испытание, — прокомментировала Книга с пугающим энтузиазмом, от которого у меня похолодело внутри. — Клиенты с арбалетами — лучшая мотивация для профессионального роста. Или для мучительной смерти. Но об этом потом, в следующих главах, если доживёшь. Драматургия, понимаешь, требует жертв».

— Какое испытание? — зашипел я, делая вид, что поправляю рюкзак, чтобы Гуннар не видел, как я разговариваю с книгой. — Я готовить толком не умею! Я вчера крысу зажарил, и то по твоей инструкции, и то она, бедная, чуть не сбежала!

«А сегодня будешь жарить мясо для бандитов, — философски заметила Книга. — Эволюция, блин, видовая. От крысы до оленя за один день. Давай, не дрейфь. Шкала Совести

у тебя и так на двадцати процентах, хуже уже некуда, почти. Одно неверное движение — и поминай как звали. В прямом смысле — поминать будут, если найдут, кого поминать».

Гуннар уже тащил меня к плите, пихая в руки поварской нож с пятнами ржавчины, который, кажется, использовали в последний раз ещё до того, как я родился, и с тех пор не мыли.

— Вот! — Он ткнул пальцем в груду продуктов на разделочном столе. — Мясо! Картошка! Лук! Сделай что-нибудь! Быстро! Они уже на подходе! Гонцы донесли!

— Какие гонцы? — не понял я, косясь на мясо, которое выглядело подозрительно сизым.

— Крысы! — рявкнул Гуннар. — Местные! Умные, заразы! Они всегда перед приходом банды разбегаются. Если крысы из подвала в панике ломятся наружу, топчут друг друга и давятся в дверях — жди гостей!

Я посмотрел в угол, где обычно была дырка в полу. Дырка зияла пустотой. Из неё торчал только обгрызенный хвост, который дёргался и исчез в панике. Даже местные грызуны, мои потенциальные конкуренты за звание «главного падальщика», предпочли свалить, чем встречаться с «Клыками Черепа».

— Твою ж дивизию… — выдохнул я.

И начал готовить.

Сначала я хотел сделать всё честно. Честно — это как бабушка учила: с душой, не торопясь, любовно, с уважением к продукту. Но когда за стеной начали грохотать колёса подвод, а Кривой забился в самый дальний угол и накрылся пустым мешком, изображая мебель (причём довольно убедительно — я бы купил такой шкаф), про любовь думалось плохо.

Руки тряслись. В голове была каша размером с супницу.

Я схватил мясо. Куски были огромные, с прожилками жира, пахли свежестью и кровью, но при ближайшем рассмотрении обнаружилось, что мясо это… ну, как бы сказать… не первой молодости. Края подсохли, цвет был неравномерный, а запах имел лёгкую кислинку, которую я предпочёл списать на «пикантность».

Такое мясо требовало уважения. Маринада. Танцев с бубном. Вымачивания в уксусе и долгих молитв. А времени не было. Совсем.

— Так, быстро, быстро, — забормотал я, кидая мясо на сковороду. Оно зашипело, брызнуло жиром мне в лицо, словно в отместку за непочтительное обращение. Я взвизгнул и вытерся рукавом, оставив на фартуке жирное пятно в форме карты неизвестного континента.

«Мясо надо было отбить, — заметила Книга тоном школьной учительницы, застукавшей ученика за списыванием. — И замариновать хотя бы на полчаса. В вине, в уксусе, в луковом соке — неважно. А ты его просто шмякнул на сковороду, как мешок с картошкой. Это халтура чистой воды. Даже не воды — халтура высшей пробы».

— Некогда мариновать! — огрызнулся я, переворачивая куски, которые уже начинали подгорать с одного края и оставались сырыми с другого, создавая уникальный эффект «два в одном» — и сырое, и горелое одновременно.

«Они ворвутся и сожрут тебя с потрохами, если мясо будет резиновым. Выбор за тобой. Я, конечно, переживу, меня не съедят — я несъедобная, у меня переплёт дублёный. Но ты мне как-то привычен стал, жалко терять такого идиота».

Я заскрипел зубами, но спорить было некогда. Глаза заметались по столу в поисках спасения. Картошка — старая, с ростками, морщинистая, как бабка у подъезда, которая помнит ещё царя Гороха. Лук — мягкий, начавший прорастать, с зелёными перьями, которые, впрочем, я решил выдать за «свежую зелень». Овощи явно лежали тут с прошлого урожая, а то и с позапрошлого, пережив пару войн и эпидемию.

— Господи, — простонал я. — Гуннар, у тебя продукты нормальные есть?

— Это нормальные! — донеслось из-за стойки, где Гуннар уже соорудил баррикаду из бочек и теперь напоминал партизана в тылу врага, только без оружия и с трясущимися коленками. — Для бандитов сойдёт! Они всё равно не разбираются! Им бы пожрать, да пожирнее!

«Спорное заявление, — хмыкнула Книга. — Бандиты, может, и не разбираются в высокой кухне. Но Крут, говорят, в прошлом поваром был. Серьёзным поваром. У них там целая иерархия: кто лучше готовит — тот ближе к главарю. Так что не расслабляйся. И молись, если умеешь».

У меня внутри всё похолодело. Повар? У бандитов? Это как? Он что, сбежал из ресторана, потому что клиенты не платили, и решил, что грабить выгоднее?

Мысль о том, что меня сейчас будут оценивать не просто головорезы, а головорез со вкусом, добавила скорости, но не качества. Я лихорадочно кидал в сковороду картошку, не чистя её толком (ну, подумаешь, немного земли, она при жарке хрустеть будет, как корочка, как дополнительная текстура!), лук нарезал крупными кольцами, кое-где с шелухой (витамины! клетчатка!), солил на глаз, перчил из коробочки, где перца осталось на донышке, и вместо перца посыпал какой-то бурой трухой, похожей на молотые сушёные грибы.

— Главное — погуще, — бормотал я, перемешивая это месиво деревянной лопаткой. — Побольше жира, чтоб всё скользило и не чувствовалось. Маслом кашу не испортишь, а мясо тем более.

Мясо на сковороде сиротливо съёживалось, подгорая с одного края и оставаясь сырым с другого, создавая эффект «сюрприз» — никогда не знаешь, какой кусок тебе попадётся. Я переворачивал его как попало, ножом протыкал, чтобы проверить готовность, выпуская драгоценный сок, который с шипением испарялся на сковороде.

Бабушка бы меня убила. Потом воскресила бы и убила ещё раз, для верности, чтобы запомнил.

«Шкала Совести: ---------- (15%), — равнодушно констатировала Книга голосом судьи, зачитывающего смертный приговор. — Ещё чуть-чуть, и войдёшь в красную зону. Там, знаешь ли, рецепты закрываются, ингредиенты портятся в руках, а карма становится такой вонючей, что даже бомжи шарахаться будут и креститься на всякий случай».

— Да пошла ты, — прошипел я, пытаясь лопаткой отделить пригоревший кусок от сковороды. Кусок не отделялся, он врос в чугун, как часть экспозиции, как музейный экспонат «Еда, которая решила остаться навсегда». — Я занят. Я тут, между прочим, жизнь спасаю.

«Ты занят тем, что убиваешь еду. И, скорее всего, себя в придачу. Но дело твоё, мне не жалко, я бессмертная. Хотя нового хозяина искать замучаюсь — знаешь, сколько среди попаданцев идиотов? Один другого краше».

В этот момент дверь таверны с грохотом распахнулась, и внутрь ворвались ОНИ.

Если вы думаете, что бандиты в фэнтези — это такие колоритные ребята в кожаных доспехах с отмычками и благородными принципами «не убивать женщин и детей», вы глубоко заблуждаетесь. Видимо, вы слишком много смотрели диснеевские мультики.

Эти были страшные. По-настоящему, до дрожи в коленках.

Их было человек десять. Здоровенные, немытые, в рваных плащах и прожжённых кольчугах, которые, кажется, не чистили со дня ковки. У каждого на поясе — арбалет, меч или топор, причём топоры выглядели так, будто ими не только дрова рубили, но и оппонентов в спорах переубеждали — быстро и эффективно. От них разило потом, дешёвым пойлом, и ещё чем-то кислым, что я мысленно назвал «аромат разбоя и полевой жизни».

Лица у всех были такие, что хотелось сразу отдать кошелёк, извиниться и спросить, не нужно ли им чего ещё. Кривой под мешком издал звук, похожий на писк попавшей в мышеловку мыши, и затих — видимо, надеялся, что его не заметят.

Но самым страшным был тот, кто вошёл последним.

Крут.

Он не был самым высоким — но казался скалой, втиснутой в человеческую кожу. Плечи — шире дверного проёма. Ручищи — как мои бёдра, только мышцы вместо жира. Лицо —

грубо вытесанное из гранита, с глубоким шрамом через всю левую щёку, от виска до подбородка. Кто-то когда-то хорошо прошёлся по этой физиономии, и явно не бритвой.

Глаза — светлые, почти бесцветные, как ледниковая вода, и такие холодные, что при взгляде на них хотелось надеть валенки, тулуп и залезть в печку. В этих глазах не было ни злости, ни ярости — только спокойная, равнодушная сила человека, который видел много дерьма и знает, что мир — штука простая: кто сильнее, тот и прав.

Бандиты расступились перед ним, как море перед Моисеем, только уважительно, без намёка на фамильярность. Крут прошёл к центру зала, оглядел пустые столы, баррикаду из бочек и трясущегося за ней Гуннара. Потом его взгляд, тяжёлый, как пресс для отбивных, упёрся в меня.

Я стоял у плиты со сковородой в руке, чувствуя себя муравьём под микроскопом, который ещё и готовит.

— Э-э-эй, Гуннар! — гаркнул один из бандитов, тот, что с рыжей бородой и шрамом на носу, рассекающим бровь. — Ты чё, гостей не ждал? Накрывать будешь? Или нам самим накрыться? У нас, знаешь ли, аппетит зверский после дороги!

Гуннар высунул голову из-за бочки. Лицо его было белее мела, а лысина блестела от пота, как начищенный самовар.

— Ж-ждал, господа хорошие! — залебезил он голосом, в котором не осталось ни грамма вчерашней уверенности, одна сплошная подхалимская дрожь. — К-как не ждать? Уже и повар наш, Захар, специально для вас готовит! Лучший повар во всём Гурманграде! Мастер! Виртуоз! Художник своего дела!

Бандиты повернулись ко мне. Я судорожно сглотнул и попытался изобразить на лице уверенность мастера-виртуоза. Получилось, судя по их лицам, лицо человека, которого тошнит.

— Этот? — Рыжий прищурился, разглядывая меня с ног до головы. — Что-то доходяга какой-то. Хилый. Бледный. Захар, говоришь? А где твой фартук, Захар? Где колпак? Где гордый взгляд профессионала?

— Запачкал, — выдавил я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — В стирке. А колпак сдуло ветром. А взгляд… ну, творческий кризис, понимаете, бывает у художников.

Рыжий хмыкнул, но Крут уже шагал к стойке. Тяжёлые сапоги гулко стучали по деревянному полу, и каждый шаг отдавался эхом в моём позвоночнике. Он сел за самый большой стол, жестом приказав остальным рассаживаться. Бандиты мгновенно заняли места, гремя оружием и перебрасываясь грубыми шутками.

— Жрать давай, — коротко бросил Крут, даже не взглянув на меня. Голос у него был низкий, с хрипотцой, как будто он перекричал не один шторм или переорал не одну пьяную драку.

Я заметался. Сгрёб мясо и картошку в огромное глиняное блюдо, кое-как разровнял, посыпал сверху вялой зеленью (она была вялая, но зелень есть зелень, авось не отравятся), и, трясущимися руками, понёс к столу.

Поставил блюдо перед Крутом. Отступил на шаг. Вжал голову в плечи. Задержал дыхание.

Крут лениво взял вилку — огромную, как садовые вилы, — ткнул в самый большой кусок мяса, подцепил, поднёс к лицу. Понюхал.

В зале повисла тишина. Даже бандиты перестали перешёптываться и звенеть оружием. Все смотрели на Крута, как прихожане на проповедника.

Он откусил.

Жевал долго. Лицо его оставалось каменным, непроницаемым, как маска древнего божества. Я не дышал. Сердце колотилось где-то в горле.

Потом он выплюнул мясо обратно на тарелку.

— Это что? — спросил он, глядя на меня впервые за всё время. В глазах — лёд, под которым угадывалась кипящая лава.

— М-мясо, — промямлил я. — С картошкой. По-нашему, по-домашнему.

— Это, — Крут ткнул вилкой в разжёванный кусок, который жалко лежал на краю тарелки, — не мясо. Это подмётка. Старая, драная подмётка от сапога, которую неделю вымачивали в болоте, а потом сушили на солнце. А это, — он перевёл вилку на картошку, которая почернела с одного бока, — угли. С примесью грязи. Ты мне угли принёс, повар? Ты решил, что мы будем топку разводить?

Я открыл рот, но ничего не сказал. Горло пересохло так, что язык прилип к нёбу, а мысли разбежались, как те самые крысы.

Крут поднялся. Медленно, с тяжёлым вздохом человека, которому всё надоело — и жизнь, и люди, и особенно бездарные повара. Взял тарелку. И с размаху швырнул её в меня.

Я еле успел пригнуться. Тарелка врезалась в стену за моей спиной и разлетелась на сотню осколков, которые брызнули во все стороны, как шрапнель. Жирные ошмётки мяса шлёпнулись на пол, картошка покатилась под ноги бандитам.

Кривой под мешком издал такой звук, будто его режут, и затих окончательно — кажется, потерял сознание.

— Ты что мне подсунул, щенок? — Голос Крута не повысился, но от этого стало ещё страшнее. Тихая ярость страшнее громкой. — Ты хоть знаешь, что я с такими поварами делаю? Нет? Сейчас расскажу.

Он обошёл стол. Подошёл ко мне вплотную. Я смотрел на его сапоги, потому что поднять глаза на лицо было страшно — казалось, от одного взгляда можно превратиться в соляной столб.

— Я, может, и бандит, — продолжил Крут, нависая надо мной скалой. От него пахло кожей, железом и почему-то чесноком. — Но я бандит, который уважает еду. Я на кухне с детства. У мамки в трактире посуду мыл, как ты. Лет с пяти. Потом поваром был. Хорошим. У меня учителя были — ого-го. Пока меня за гордость не попёрли. За то, что не захотел халтуру готовить для всяких… — он скривился. — А знаешь, что самое обидное?

Я мотнул головой, боясь издать хоть звук.

— Самое обидное, — Крут наклонился, и я увидел его глаза вблизи. В них плескалась холодная ярость, но сквозь неё пробивалось что-то ещё. Разочарование. Обида. Усталость от постоянного разочарования в людях. — Самое обидное, что это мясо даже собака жрать не будет. А собак я своих люблю. Они меня не предавали. Не обманывали. Не подсовывали горелую подмётку. В отличие от таких вот умельцев, которые из хорошего продукта делают говно, а потом удивляются, почему их бьют.

Он выпрямился. Посмотрел на меня сверху вниз, и в его взгляде читался приговор.

— Ладно. — Он махнул рукой своим. — Забираем его. На нашей кухне он нам сготовит. Лично для меня. Если и там намудрит — сварим из него суп. Говорят, из таких доходяг бульон наваристый получается. Горечь жизни придаёт пикантности, а глупость — мягкости.

Бандиты заржали —громко, радостно, предвкушая зрелище. Двое тут же подскочили ко мне, схватили под руки, как куклу.

— А ну отпустите! — Дёрнулся я, но куда там. Руки, как тиски, даже не дрогнули. — Я сам! Я пойду! Только без рук!

— Гуннар! — крикнул я в отчаянии, когда меня поволокли к выходу. — Гуннар, скажи им! Я же твой работник! Ты меня защищать должен! Ты же хозяин!

Гуннар выглянул из-за бочки. В глазах его читалась такая степень животного ужаса, смешанного с облегчением от того, что жертва нашлась, что я понял: помощи не будет. Никогда.

— О-отпускаю, — пролепетал Гуннар, пряча глаза. — В смысле… забирайте, ребята, пользуйтесь. Повар, он… ну, временный. Не жалко. Совсем не жалко. Даже тарелку за ним мыть не надо будет. Экономия. И посуды меньше биться будет.

— Гуннар, скотина! — заорал я, когда меня поволокли к двери. — Я к тебе с душой! Я посуду мыл! Я крысу ловил, между прочим, своими руками! Я горшки с Кривым утешал! А ты?!

Но Гуннар уже нырнул обратно за бочку, и только верхушка его лысины предательски поблёскивала в щели между досками, да ещё, кажется, дрожала.

— Эй, а это что? — Рыжий бандит, который держал меня за левую руку, заметил рюкзак за моей спиной. Рюкзак дёрнулся. — Там кто-то шевелится! Ты что, контрабанду возишь?

Он рванул лямку, и рюкзак упал на пол. Раскрылся. И оттуда, сверкнув потрёпанным переплётом, вывалилась Книга.

«Аккуратнее, гориллы! — рявкнула она голосом, от которого рыжий попятился и чуть не сел на пол. — Я не мебель! Я не контрабанда! Я — древний артефакт, между прочим, и вообще женщина, если вы понимаете, о чём я! И, между прочим, этот доходяга, которого вы тащите — единственный, кто может вас накормить по-человечески! Если вы его убьёте, будете жрать свою баланду до конца дней! А она у вас, я посмотрю, не фонтан, судя по цвету ваших лиц!»

Все замерли.

В зале повисла тишина — такая густая, что её можно было резать ножом. Бандиты смотрели на книгу. Книга, судя по лёгкому свечению страниц, смотрела на них. Я смотрел на всех сразу и пытался не описаться.

Крут медленно обернулся. Посмотрел на книгу. Потом на меня. В его глазах впервые мелькнуло что-то, похожее на интерес. Не злость, не ярость, а именно интерес — холодный, изучающий, как у коллекционера, нашедшего редкий экспонат.

— Говорящая книга, — констатировал он. — Редкость. Очень редкая вещь. Я такие только на восточных базарах видел, и то подделку. И при этом… — он усмехнулся, — защищает тебя. Забавно.

Он подошёл, нагнулся и поднял Книгу. Та даже не попыталась вырваться — видимо, почуяла серьёзного человека.

«А ты ничего, — оценила Книга тоном заправской свахи, рассматривающей жениха. — Морда бандитская, но глаза умные. И шрам сексуальный, придаёт загадочность. Слушай, командир, а давай договоримся? Ты этого придурка не трогаешь, а он тебе обед нормальный сварит. Честный. Без халтуры. С душой, как бабушка учила. А если сбрешу — сама его и зарежу. Нож у тебя найдётся приличный, не чета этому ржавью?»

Крут засмеялся. Впервые за всё время. Смех у него оказался неожиданно глубоким, почти добрым, с хрипотцой. Почти человеческим.

— Забавная книга, — повторил он. Сунул Книгу обратно в рюкзак и кинул его мне. Я поймал на лету, прижал к груди, как ребёнка. — Ладно, повар. Тащи свою говорящую собственность. Посмотрим, чему она тебя научила. Если обед будет хорош — отпущу. Если нет — сварим суп. Из вас двоих. Книжный бульон, говорят, для ума полезен. Особенно если книга умная, а не как некоторые.

Бандиты снова заржали, подхватили меня под руки и поволокли на улицу, к подводам.

Перед тем как дверь захлопнулась, я успел увидеть, как Кривой высунул голову из-под мешка. В глазах его читалось: «Я же говорил! Синяя тарелка! Злая! Я же предупреждал!».

Дверь захлопнулась, отрезая меня от «Третьего позвонка» и относительной безопасности.

Глава 4: Суп под дулом арбалета, или Шеф-повар по принуждению

Когда за тобой захлопывается дверь, за которой остаётся хоть и вонючий, хоть и с предателем-хозяином, но всё-таки более-менее безопасный трактир, а ты оказываешься в компании вооружённых до зубов головорезов, которые только что обещали сварить из тебя суп, — это отрезвляет.

Знаете, есть моменты в жизни, когда ты вдруг понимаешь: «Всё, Антон, это не сон, это не розыгрыш, это твоя новая реальность, и сейчас тебя либо съедят, либо заставят готовить под дулом арбалета».

Как выяснилось, заставят готовить. Пока что.

Меня тащили по ночной дороге, пихали в спину, когда я спотыкался, и перешучивались между собой, обсуждая, какой я тощий и что из меня, наверное, выйдет жиденький бульончик — «прозрачный, как слеза, и такой же невкусный». Хрыч, тот самый рыжий, который держал меня за левую руку, особенно усердствовал:

— Слышь, повар, а ты хоть что-то умеешь, кроме как посуду мыть? Или ты там, у Гуннара, притворялся, чтобы не готовить? Я б тоже притворялся, если б умел только яичницу жечь.

— Умею, — буркнул я, хотя уверенности в голосе не было ни грамма. — Я вообще-то крысу жарил. Вкусно получилось.

Бандиты заржали так, что в кустах проснулись птицы и, кажется, решили срочно эмигрировать в соседний лес.

— Крысу! — заходился Хрыч. — Слышь, пацаны, он крысу жарил! У нас тут новый шеф-повар, специалист по грызунам! Крут, ты слышал? Может, его сразу на повышение? Заведующим отделом грызунов назначим?

Крут, который ехал впереди на здоровенном коне, даже не обернулся. Но я заметил, как дёрнулось его плечо — то ли усмехнулся, то ли передёрнуло от мысли о крысином меню.

Лагерь бандитов встретил меня запахом костра, сыростью и тем особым духом мужского общежития, где никто не убирает, все храпят и считают, что проветривать — это для слабаков. Несколько покосившихся домов, навесы, загоны для лошадей и в центре — большой костёр, у которого двое угрюмых типов жарили на вертеле тушу неизвестного происхождения.

— Привели? — лениво спросил один, с повязкой на глазу.

— Ага, — ответил Хрыч. — Крут сказал, в подвал его, к продуктам. Час дать на суп. Если сготовит — отпустим. Если нет — сам в суп пойдёт.

Одноглазый оживился:

— Давно пора кого-то сварить. А то мясо надоело. Разнообразия хочется.

Меня передёрнуло. «Разнообразия им хочется». Как в ресторане, блин.

Подвал оказался именно таким, как я и ожидал: сырым, тёмным, с земляным полом и стенами, по которым бегали мокрицы, не подозревающие, что живут в элитном бандитском особняке. В углу горел факел, бросая пляшущие тени на груду продуктов, сваленных прямо на дощатом столе. Пахло плесенью, сыростью и чем-то кислым, от чего сводило зубы.

Вслед за мной в подвал спустились двое с арбалетами. Они встали по углам, направив на меня острия болтов. Не чтобы стрелять — чтобы напоминать: дёрнешься, и ты труп.

Крут вошёл следом, остановился в дверях, скрестив руки на груди. В свете факела его шрам казался глубокой трещиной в камне.

— Значит, так, повар. — Голос его звучал глухо в этом каменном мешке. — Час тебе. Сваришь нормальный, честный суп — отпустим. Не сваришь… — он сделал паузу, давая мне насладиться моментом, — сваришься сам. Вон в том котле, — он кивнул на огромный чугунный котёл, висящий над очагом в углу, — как раз место есть.

Я сглотнул. Котёл был размером с небольшую ванну. В нём можно было бы сварить не только меня, но и пару моих клонов, если б они были.

— А что считать нормальным супом? — спросил я, пытаясь выиграть время и унять дрожь в коленях. — Есть какие-то критерии?

Крут усмехнулся.

— Критерий простой: я это буду есть без отвращения. И мои парни тоже. Если хоть один поперхнётся, если хоть один скривится — ты в котле. Всё честно.

Он развернулся и вышел. Арбалетчики остались. Один из них, худой и злобный, с длинным шрамом через всю щёку, сплюнул на пол и сказал:

— Время пошло, повар. Шевелись.

Я подошёл к столу.

Продукты были именно такими, как я и боялся. Мясо — когда-то это была, наверное, говядина. Теперь это была тёмно-серая масса с зеленоватым отливом по краям, от которой разило так, что хотелось зажать нос. Жир пожелтел, кости торчали сиротливо, а запах… запах напоминал подвал, в котором я стоял, только концентрированный, в стакане.

Овощи. Картошка — проросшая, морщинистая, с длинными белыми ростками, которые тянулись к свету, как руки утопающего. Морковь — дряблая, гнущаяся, как резиновая. Лук — прозрачный, мягкий, с зелёными перьями, которые уже начали гнить у основания. Всё это пахло землёй, сыростью и безнадёжностью.

И специи. Несколько мешочков на полке. Я открыл один — внутри была какая-то труха, пахнущая пылью и сожалением. Второй — пустой. Третий — соль. Крупная, серая, похожая на песок. Четвёртый — перец. Чёрный, горошком, ещё пахнущий.

— Господи, — выдохнул я. — Из этого даже крыса сбежит. И правильно сделает.

Арбалетчик хмыкнул, но ничего не сказал.

Я стоял и смотрел на эту гору гнилья, и внутри нарастала паника. Холодная, липкая, от которой немеют пальцы и путаются мысли. Я не умею готовить. Я никогда не умел готовить нормально. Я посудомойка, который один раз случайно пожарил крысу и один раз более-

менее прилично приготовил мясо для бандитов, но это было везение, чистое везение, стечение обстоятельств, а не умение.

— Я не могу, — прошептал я. — Я не умею. Я никогда не умел. Бабушка, прости…

В этот момент из рюкзака донёсся тихий, но отчётливый шёпот:

«Заткнись и слушай».

Я вздрогнул. Оглянулся на арбалетчиков — они не обращали внимания, переглядывались между собой, тихо перешучиваясь. Я осторожно расстегнул рюкзак, достал Книгу. Она слабо светилась в темноте — тусклым, тёплым золотом.

— Ты чего? — прошептал я, прикрывая её рукой, чтобы арбалетчики не заметили свечения.

«Ты умеешь. Ты просто забыл. Вспомни бабушку. Что она говорила?»

— Бабушку? — переспросил я. — При чём тут…

«Вспоминай. Закрой глаза и вспоминай».

Я закрыл глаза.

И вдруг…

…Я снова на той маленькой кухне. Солнечные зайчики прыгают по линолеуму, пахнет пирожками и хлоркой. Бабушка стоит у плиты в своём цветастом халате, седые волосы собраны в пучок. Она помешивает что-то в кастрюле, напевая себе под нос «Ой, цветёт калина».

Я маленький, лет семи, сижу на табуретке и болтаю ногами, не достающими до пола. На мне старая майка, коленки разбиты, настроение — хуже некуда. Я только что поссорился с мальчишками во дворе, и они меня побили.

— Бабуль, а что ты варишь?

— Суп, Антоша. Суп из ничего. — Она оборачивается, улыбается морщинистым лицом. — Смотреть надо, учиться. В жизни всякое бывает. Иногда денег нет, иногда продуктов нет, а накормить надо. Вот тогда и пригодится умение варить суп из ничего.

Я подхожу ближе, заглядываю в кастрюлю. Там плавают какие-то кости, картофельные очистки, лук, который бабушка обычно выбрасывает, но сейчас почему-то оставила, морковные хвостики, лавровый лист.

— Но тут же одни очистки! — удивляюсь я. — Разве это можно есть?

— Можно, если с душой, — бабушка мешает деревянной ложкой. — Смотри: кости дают навар, даже если мяса на них почти нет. Очистки — крахмал и вкус. Лук — запах. Даже из хвостиков можно пользу извлечь, если правильно подойти. А главное — не жалеть себя. Не думать о том, что это «бедность» или «стыдно». Думать о том, что ты даёшь людям тепло. Понял?

Я киваю, хотя не очень понимаю. Бабушка пробует суп, довольно жмурится.

— Хорошо получилось. Души много положила. Запомни, Антоша: еда — это любовь, которую можно съесть. Если любишь тех, для кого готовишь, даже из ничего получится вкусно. Если ненавидишь — даже из лучших продуктов выйдет дрянь.

Она гладит меня по голове шершавой ладонью. Рука у неё тёплая, пахнет луком и тестом.

— Не бойся, милый. Главное — не бойся. Страх убивает вкус. Клади душу, и будет хорошо. Даже если продукты плохие. Даже если всё против тебя. Душа — она главное.

Картинка растаяла. Я снова стоял в подвале, перед грудой гнилых продуктов, с Книгой в руках и арбалетчиками за спиной. По щекам текли слёзы — то ли от лука, которого ещё и в помине не было, то ли от бабушкиных слов.

— Бабушка, — прошептал я. — Я понял. Кажется, понял.

«Ну наконец-то, — вздохнула Книга, и в её голосе прорезались привычные нотки, но мягче обычного. — А то я уже думала, придётся тебя бить. Вставай, Антон. У тебя час, чтобы сварить суп из этого дерьма и не сдохнуть. Бабушка верит в тебя. Я тоже, хоть ты и идиот. Давай, работай».

Я вытер слёзы рукавом, глубоко вздохнул и подошёл к столу.

— Ладно, — сказал я вслух. — Суп из ничего. Бабушка, смотри, не подведи.

Первым делом — мясо.

Я взял самый большой кусок, поднёс к носу. Запах ударил в ноздри — кислый, с горчинкой, с той сладковатой ноткой, которая появляется, когда мясо начинает портиться. Не то чтобы тухлое — ещё нет, — но уже на грани. Бабушка говорила: «Такое мясо надо спасать. Не выбрасывать, а спасать. Потому что выбросить может каждый, а спасти — только тот, кто умеет».

Я заставил себя не морщиться, а принюхаться внимательнее. Под гнильцой чувствовался глубокий, насыщенный запах говядины — той самой, настоящей, с кровью и железом. Значит, база есть. Остальное — дело техники и души.

Нож нашёлся тут же, на стене — огромный тесак, явно гномьей работы, с тёмным лезвием и вытертой деревянной рукоятью. Я взял его, и рука привычно легла на рукоять — будто всю жизнь только этим и занималась. Лезвие вошло в мякоть с хрустом, рассекая волокна. Я срезал всё зелёное, всё подозрительное, всё, что вызывало сомнения. Срезал щедро, не жалея — лучше потерять треть, чем испортить всё.

Под гнильцой открылось мясо. Тёмно-красное, почти бордовое, с мраморными прожилками жира. Пахло оно уже не кислятиной, а свежей кровью, железом и чем-то диким, первобытным. Я прижал кусок к носу, втянул воздух — и где-то глубоко, на самом дне ноздрей, проснулся голод. Не тот, что сосёт под ложечкой, а настоящий, животный, от которого челюсти сами собой сжимаются и во рту появляется слюна.

Кости я нарубил отдельно — короткими, сильными ударами, чтобы не раздробить в щепки, а расколоть, открыть мозг, желатин, всю ту силу, что спрятана внутри. Бабушка всегда говорила: «Кости — это основа. Без костей суп — пустой, как разговор без смысла». Я выскреб из расколотых костей мозг — серовато-белую, маслянистую массу — и отложил в отдельную миску. Потом пойдёт в бульон, добавит навару, сделает его густым, почти липким.

Мясо нарезал небольшими кусками — сантиметра по три, не больше. Нож входил в мякоть упруго, но послушно, разделяя волокна по естественным прослойкам жира. Я чувствовал, как лезвие скользит, как жир тает от тепла пальцев, как мясо подаётся под ножом с лёгким, почти неощутимым сопротивлением. В какой-то момент я поймал себя на том, что работаю не глядя — руки сами знают, куда резать, где пройти вдоль кости, где снять плёнку. Бабушка говорила: «Руки помнят. Ты только не мешай им».

Воды в котле оказалось полно — холодной, колодезной, чистой. Я залил кости, поставил на огонь. Пламя в очаге разгорелось быстро — дрова были сухие, хорошие, берёзовые. Бандиты хоть в этом не экономили.

Пока бульон закипал, я занялся овощами.

Картошка. Я чистил её тщательно, срезая ростки, вырезая тёмные пятна, оставляя только белую, чистую мякоть. Пальцы скользили по мокрой шкурке, под ножом она сходила тонкой, почти прозрачной стружкой. Картофельные очистки не выбросил — бабушка учила, что в них крахмал и вкус. Бросил в марлю, завязал узелком — пусть варятся вместе с бульоном, потом вытащу, когда отдадут всё, что могут.

Морковь. Дряблую, гнущуюся, я всё равно почистил и нарезал мелким кубиком — чем мельче, тем быстрее отдаст вкус и тем меньше будет заметна её «усталость». Под ножом морковь пахла сладко, с землистой ноткой, и я вдруг понял, что этот запах — правильный. Настоящий. Не тот, что в супермаркете, когда морковь пахнет пластиком и ничем, а тот, из детства, с бабушкиной грядки.

Лук. Прозрачный, мягкий, с гнильцой у основания. Я срезал всё лишнее, без жалости, оставил только то, что ещё пахло луком — а пахло, даже сквозь гниль, пробивался тот самый

родной, луковый дух, от которого щиплет глаза и текут слёзы. Нарезал мелко-мелко, почти в кашицу — пусть отдаёт всё, что может, до последней капли.

Чеснок. Несколько головок, подсохших, сморщенных, но внутри ещё упругих. Я раздавил их ножом — хруст, и чесночный дух ударил в нос, прочистил мозги, разогнал остатки паники. Пахло так, что слюна набежала мгновенно, и я сглотнул, чувствуя, как желудок сжимается в предвкушении.

Специи. Я перебрал все мешочки, все баночки, все свёртки, что нашёл на полке. Соль — серая, крупная, но это даже хорошо, в ней минералов больше, вкус насыщеннее. Я лизнул кристаллик — солёно, с горчинкой, с металлическим послевкусием. Перец — нашёлся на дне, горошком, чёрный, ещё пахнущий — значит, живой. Я раздавил несколько горошин пальцами, поднёс к носу — запах ударил острый, жгучий, с древесными нотами. Лавровый лист — сухой, ломкий, но аромат сохранил, чуть горьковатый, терпкий. Ещё какие-то травы — я понюхал, вроде петрушка и укроп, сушёные, выцветшие, почти без запаха, но брошу — вдруг что-то дадут.

— Сойдёт, — кивнул я сам себе. — Должно сойти.

Бульон закипел.

Я снял пену большой деревянной ложкой — её было много, серой, некрасивой, с хлопьями. Снимал тщательно, дочиста, чтобы бульон остался прозрачным, как бабушка учила. Пена уходила, открывая золотистую, чистую поверхность, на которой пузырьки лопались с тихим, уютным «чмок». Пар поднимался над котлом густой волной, и в этом пару уже чувствовался первый, слабый аромат — костный, с молочной ноткой.

Я бросил в бульон лук, морковь, лавровый лист, перец горошком. Бульон забулькал активнее, вдохнул, принял в себя овощи. Запах поплыл по подвалу — сначала слабый, робкий, потом всё сильнее, настойчивее, и вдруг я понял, что пахнет… нормально. Даже вкусно. Даже очень вкусно.

Мясо я решил варить отдельно, чтобы не переварить и не потерять сок. Обжарил на сковороде, что нашлась тут же на полке, — быстро, на сильном огне, чтобы схватилась корочка и запечатала всё внутри. Масла плеснул щедро, не жалея. Оно зашипело, забрызгало жиром, заплясало на сковороде.

Я переворачивал мясо щипцами, бережно, любовно, давая подрумяниться с каждой стороны. Корочка получалась тёмно-коричневой, аппетитной, с лёгким угольным отливом. Жир вытапливался, шкворчал, разбрызгивался на доски стола. Запах жареного мяса смешался с ароматом бульона, и в этом сыром подвале вдруг стало почти уютно, почти по-домашнему.

Арбалетчики за спиной зашевелились. Один громко сглотнул, другой шумно втянул носом воздух.

— Ничего так пахнет, — прошептал тот, что со шрамом.

— Заткнись, — ответил второй, но голос у него тоже дрогнул.

Когда мясо зарумянилось со всех сторон, я отправил его в бульон. Куски утонули в золотистой жидкости, подняв маленькие фонтанчики пара, и скрылись под поверхностью. Я помешал ложкой, и они закружились в медленном танце, отдавая сок, жир, вкус.

Картошку я бросил следом — кубиками, ровными, один к одному, чтобы сварилась быстро, но не разварилась в кашу. Бросил и тот марлевый узелок с очистками — пусть варятся, отдают крахмал, делают бульон гуще, наваристее.

И началось самое главное — ожидание.

Я стоял над котлом, помешивая деревянной ложкой, и чувствовал, как бульон густеет, как мясо становится мягче, как овощи отдают цвет и вкус. Время перестало существовать. Был только я, котёл и этот нарастающий, обволакивающий, тёплый запах, от которого у самого текли слюни.

Я пробовал бульон ложкой — сначала осторожно, потом смелее. Солил, перчил, добавлял зелень, пробовал снова. Бабушка говорила: «Суп надо пробовать всё время. Нельзя оставлять его без внимания. Он как ребёнок — если не смотреть, убежит или подгорит».

На двадцатой минуте я зачерпнул полную ложку, подул, сделал глоток — и чуть не зажмурился от удовольствия. Бульон стал наваристым, почти липким, с глубоким мясным вкусом, с овощной сладостью, с пряной горчинкой перца и лавра. Соль стояла ровно — ни пересолено, ни недосолено. Крахмал из картофельных очисток сделал своё дело: жидкость обволакивала язык густой, бархатистой плёнкой, оставляя послевкусие, от которого хотелось закрыть глаза и просто стоять, чувствуя, как тепло разливается по нёбу, по горлу, по всему телу.

Я выловил кусочек мяса. Оно было мягким, почти тающим, но ещё держало форму. Я раздавил его языком о нёбо — волокна расходились, выпуская сок, насыщенный, с лёгкой кислинкой, которая осталась от старого мяса, но теперь эта кислинка играла, добавляла глубины, делала вкус сложным, интересным. Не дефект — особенность.

Картошка была готова — мягкая, но не разваливающаяся, с тем самым крахмалистым ядром, которое так любила бабушка. Я раздавил кусочек ложкой — он рассыпался в пюре, смешался с бульоном, сделав его ещё гуще.

Я попробовал ещё раз. И ещё. И ещё.

Наверное, это выглядело странно — парень в грязной одежде, с фингалом под глазом, стоит над котлом в бандитском подвале, жмурится и облизывает ложку, как ребёнок, которому дали попробовать самое вкусное в жизни.

Но мне было плевать.

Потому что это было вкусно. По-настоящему, честно, с душой. Не та ложная, ресторанная красота, где за красивой подачей ничего нет. А настоящая, простая, бабушкина правда: хорошая еда не требует украшений. Она сама говорит за себя.

В какой-то момент я заметил, что бульон начал светиться.

Сначала слабо, едва заметно, искорками на поверхности. Потом ярче, гуще, золотистым, тёплым светом, как тот солнечный зайчик из детства. Свечение поднималось от поверхности вместе с паром, озаряло стены, плясало на потолке, отражалось от лезвий арбалетов.

— Что это? — прошептал арбалетчик со шрамом.

— Не знаю, — ответил второй, и в голосе его впервые слышался страх.

«Шкала Совести: ---------- (50%!), — тихо, но торжественно сообщила Книга. — Ты на полпути. Ещё немного, и будет зелень».

Я не ответил. Я смотрел в котёл, на этот свет, на этот суп, и чувствовал, как внутри разливается тепло. Не от плиты — откуда-то изнутри, из груди.

Ещё через десять минут свет усилился. Суп кипел и сиял, как маленькое солнце.

«Шкала Совести: ---------- (70%!). Ещё чуть-чуть, Антон. Ты почти».

Я попробовал суп снова. Ложка вошла в бульон, поднялась, и на ней блестела золотистая, почти янтарная жидкость. Я подул, отпил — и мир сузился до одного-единственного ощущения.

Вкус.

Он был огромным. Сначала — мясной удар: густой, насыщенный, с той самой железной ноткой, которая бывает только у настоящей говядины. Потом — овощная сладость: морковь отдала сахар, лук — карамельную ноту, чеснок добавил остроты и перца. Потом — пряная горчинка лаврушки и чёрного перца, которая не перебивала, а подчёркивала, делала вкус объёмным, многомерным. И в самом конце, на послевкусии, проступала та самая лёгкая кислинка — напоминание о том, каким было это мясо час назад. Но теперь она не казалась дефектом. Она была частью истории. Истории мяса, которое могло пропасть, но не пропало. Которое спасли.

Я выловил кусок мяса, отправил в рот. Оно таяло. Буквально таяло на языке, распадаясь на тончайшие волокна, пропитанные бульоном, отдавая сок, жир, вкус. Картошка разварилась,

но не в кашу — в нежные, воздушные кусочки, которые сами просились в рот. Я жевал, закрыв глаза, и чувствовал, как слёзы текут по щекам. Не от боли, не от страха — от счастья.

— Готово, — выдохнул я. — Суп готов.

«Шкала Совести: ---------- (90%!). Зелёная! — Книга аж светилась от гордости. — Ты это сделал, идиот! Ты сварил суп из говна и палок, и он… он… смотри!»

В этот момент суп в котле вспыхнул — не в прямом смысле, не огнём, но как-то… засиял. И прямо надо мной, в воздухе, из пара сложились слова, золотистые, мерцающие:

«БЕРСЕРК-СУП»

Эффект: при употреблении вызывает неконтролируемую ярость и прилив сил. Длительность — 15 минут. Побочные эффекты: возможны драки, разрушение мебели, временное помешательство. Противопоказан лицам с неуравновешенной психикой, а также бандитам, сидящим в одном помещении.

— Что? — выдохнул я. — Берсерк-суп? Это что за…

«Это скрытый эффект, — пояснила Книга. — Ты вложил в суп столько страха, отчаяния и надежды, что он зарядился твоими эмоциями. Страх дал ярость, надежда — силу. Теперь это не просто суп, это оружие. Поздравляю, ты создал кулинарный артефакт».

Я посмотрел на котёл, на светящийся бульон, на плавающие в нём куски мяса.

— И что теперь?

«А теперь зови бандитов. Время дегустации».

Я постучал ложкой по котлу. Звук разнёсся по подвалу, перекрывая даже шипение огня.

— Эй! — крикнул я в сторону двери. — Готово! Суп готов!

Пришло время для дегустации того, что я сварил в порыве вдохновения.

Глава 5: Берсерк-суп: теперь с пеной у рта

Дверь распахнулась мгновенно, будто за ней всё это время стояла толпа. И действительно, в подвал ввалились человек десять — во главе с Крутом, за ним Хрыч, Лом, Одноглазый и ещё несколько рож, которых я не успел запомнить. Все втягивали носом воздух, все смотрели на котёл, как голодные псы на мясную лавку.

— Ну-ка, ну-ка, — Крут шагнул к котлу, отодвинув меня плечом. Заглянул внутрь. Понюхал. Лицо его, обычно каменное, дрогнуло. — Неплохо пахнет. Даже очень неплохо.

Он зачерпнул половником, налил в глиняную миску, подул, отпил.

Я замер.

Крут жевал. Лицо его оставалось непроницаемым. Потом он зачерпнул ещё, ещё, ещё. И вдруг… кивнул.

— Неплохо, — сказал он. — Очень неплохо, повар. Даже хорошо. Даже… отлично.

— Отлично? — переспросил Хрыч, не веря своим ушам.

— Отлично, — подтвердил Крут и отхлебнул ещё.

Бандиты, услышав такое, бросились к котлу. Началась толкотня, каждый хотел первым. Кто-то принёс миски, кто-то просто подставлял кружки, кто-то черпал прямо руками.

— Эй, не толкайся!

— Сам не толкайся!

— Вкусно-то как, ребята…

— Никогда такого не ел…

Я стоял в стороне, прижимая к груди Книгу, и смотрел, как они едят. Как хлебают, обжигаются, дуют, но не останавливаются. Как жир тёк по бородам, как глаза закатывались от удовольствия.

— Хорош суп! — орал Хрыч с набитым ртом. — Повар, ты гений! Я тебя прощаю за крысу!

— Да ты сам крысу не ловил никогда! — ответил кто-то.

— А ты ловил?

— А я и не обязан! Я бандит, а не крысолов!

Они смеялись, ели, толкались. Всё было нормально. Всё было даже хорошо.

А потом Крут замер.

Он сидел на перевёрнутой бочке, держа в руках вторую миску, и вдруг перестал жевать. Глаза его расширились, потом сузились, потом налились кровью — медленно, но неотвратимо, как восход кровавой луны. Лицо пошло красными пятнами, жилы на шее вздулись.

— Что-то мне… — начал он, но не договорил.

Миска выпала из рук, разбилась о земляной пол. Крут встал. Распрямился во весь свой немаленький рост. Глаза горели алым.

— Я… — выдохнул он, и голос его зазвучал как-то иначе — ниже, мощнее, страшнее. — Я ЧУВСТВУЮ СИЛУ!

И тут началось.

Крут схватил табуретку, на которой только что сидел, и с размаху разбил её о стену. Табуретка разлетелась в щепки, которые разлетелись по всему подвалу.

— РАЗНЕСУ ВСЁ! — заорал он.

— Крут, ты чего? — Хрыч попятился, выронив миску, но было поздно.

Крут уже кинулся на ближайшего бандита — на Лома, здоровенного детину с разбитым носом, — и сграбастал его в охапку. Они покатились по земляному полу, поднимая тучи пыли.

— А-а-а! — заорал Лом, и в его крике слышалось не только испуг, но и что-то похожее на боевой клич.

Через секунду он уже лупил Крута в ответ, и оба они катались по подвалу, круша всё на своём пути — задели стол, опрокинули ящик с овощами, врезались в стену.

— Братва, что происходит? — завопил кто-то.

Но братва уже не могла ответить. Потому что братва тоже почувствовала силу.

Хрыч, который только что мирно хлебал суп, вдруг замер, уставился на своего соседа — того самого одноглазого — мутным, кровавым взглядом и ни с того ни с сего заехал ему миской по голове. Миска разлетелась вдребезги, по лицу одноглазого потекла кровь вперемешку с супом.

— Это тебе за прошлый год! — заорал Хрыч. — За то, что мою пайку мяса сожрал, когда я в дозоре был! Я помню! Я всё помню!

— Ах ты! — Одноглазый, не будь дурак, запустил в Хрыча половником. Половник попал Хрычу в лоб, и тот рухнул, но тут же вскочил, потрясая кулаками.

И понеслось.

Подвал превратился в филиал ада. Бандиты лупили друг друга всем, что попадалось под руку: мисками, ложками, половниками, табуретками, чьими-то сапогами, которые случайно валялись в углу. Кто-то уже сцепился в углу и душил противника, кто-то гонялся за кем-то вокруг котла, опрокидывая бочки, кто-то просто сидел на полу и бил кулаком по земле, выкрикивая нечленораздельные угрозы.

Крут, вырвавшись из схватки с Ломом (Лом остался лежать, но пытался подняться), вскочил, огляделся мутным взором и с рёвом бросился на двух сразу. Те встретили его с энтузиазмом, достойным лучшего применения — один схватил кочергу, второй замахнулся поленом.

Грохот стоял невообразимый. Мебель, которая ещё не была разломана, разлеталась в щепки. Котёл с остатками супа опрокинулся, и золотистая жидкость растеклась по полу, смешиваясь с грязью и кровью. Пар поднимался к потолку, и в этом пару мелькали тени дерущихся тел.

Я вжался в стену, прикрываясь Книгой, как щитом. Книга, кстати, светилась и комментировала с непередаваемым ехидством:

«Ого, смотри, как Хрыч работает локтями! А Крут вообще красавчик — одного нокаутировал, второго за шкирку тащит. Третьего, кажется, сейчас в костёр кинет… А, нет, передумал, в стену швырнул. Хорошо пошёл супчик, душевно».

— Это не смешно! — заорал я, уворачиваясь от пролетевшей мимо табуретки. Табуретка врезалась в стену в сантиметре от моей головы и разлетелась щепками. — Они же поубивают друг друга!

«Не поубивают, — заметила Книга. — Ну, максимум пару рёбер сломают парочке, кому-то нос свернут, кто-то без зуба останется. Но не смертельно. Зато весело. Ты лучше думай, как выбираться, пока они заняты друг другом».

Я огляделся. Дверь в подвал была открыта. За ней, в коридоре, тоже слышались крики, грохот и звон — видимо, эффект супа добрался и до тех, кто остался наверху. Оттуда доносилось:

— Ах ты, гад! Я тебя год терпел!

— А я тебя два года! Получай!

— Это тебе за позапрошлую зиму!

Выбраться наружу? Но там тоже драка. Остаться здесь? Здесь тоже драка. И в любой момент кто-нибудь из этих озверевших берсерков может переключиться на меня — как на свежую цель, как на того, кто ещё не получил по морде.

— Что делать? — крикнул я Книге.

«А я откуда знаю? — отозвалась она. — Я книга, я советую, но не отвечаю за последствия. Могу сказать одно: пригнись!»

Я пригнулся. Надо мной пролетел чей-то сапог, за ним — половник, за ним — чьё-то тело.

Крут, уже без рубашки, весь в крови (своей или чужой — непонятно), с безумным взглядом, орал посреди подвала:

— Я КРУТ! Я СИЛА! Я ВСЕХ ПОБЕДЮ!

— А я тебя! — заорал Хрыч, выскакивая из темноты с обломком табуретки в руках.

Они сшиблись снова, и подвал содрогнулся от удара.

Я забился в самый дальний угол, за какую-то бочку, сжался в комок, прикрывая голову Книгой. Вокруг гремело, ухало, стонало, матерясь и выло. Кто-то упал рядом, вскочил, снова упал. Чья-то нога пролетела в сантиметре от моего лица. Чей-то кулак врезался в стену над моей головой, и штукатурка посыпалась мне за шиворот.

— Мамочка, — прошептал я. — Бабушка, прости. Я сварил суп, который свёл с ума целую банду. Ты этого хотела?

Книга на коленях тихонько светилась и, кажется, посмеивалась.

А подвал всё крушился и крушился. Мебель превращалась в щепки, щепки — в труху. Котёл валялся на боку, из него вытекла последняя лужа супа, и теперь дерущиеся скользили в этой луже, падали, вставали и снова кидались друг на друга.

— ТЫ МОЙ ЛУЧШИЙ ДРУГ! — орал кто-то, душа противника.

— И ТЫ МОЙ ЛУЧШИЙ ДРУГ! — отвечал тот, лупя его головой об пол.

— ТОГДА ЗАЧЕМ ДЕРЁМСЯ?

— А ПОТОМУ ЧТО СИЛА!

— А, НУ ТОГДА ЛАДНО!

И они продолжали.

Я сидел в углу, сжимая Книгу, и молился всем богам, которых знал, чтобы это безумие поскорее кончилось. Или чтобы меня не заметили. Или чтобы хотя бы убили быстро.

Судя по тому, как летали обломки и как орали бандиты, быстро не получится.

— Ну и влип же я, — прошептал я. — Бабушка, ты там, на небесах, не смотри. А если смотришь — отвернись. Не позорься за меня.

Книга хмыкнула, но ничего не сказала.

А подвал всё крушился.

Я сидел в углу подвала, вжавшись спиной в холодную сырую стену, и с ужасом наблюдал, как бандиты крушат друг друга. Крут, уже без рубашки, весь в крови — своей или чужой, в темноте не разобрать, — с диким рёвом молотил Хрыча об пол. Хрыч, в свою очередь, пытался укусить Крута за ухо. Лом валялся без сознания, но его пинали двое других, которые ещё пять минут назад обнимались и клялись в вечной дружбе. Котёл с остатками супа опрокинулся, золотистая жижа растеклась по земляному полу, и в этой луже с хлюпаньем возились ещё трое, молотя друг друга кулаками.

— Ну и цирк, — прошептал я, прижимая к груди Книгу. — Они тут друг друга поубивают, а меня просто затопчут как довесок. Как бесплатное приложение к супу.

«А я что говорила? — довольно отозвалась Книга. — Берсерк-суп — штука мощная. Не зря его в древности запрещали все гильдии, кроме самых отбитых. Но тебе бы валить отсюда, пока они не вспомнили, кто главный виновник торжества. А то знаешь, как бывает: подерутся, успокоятся, и начнут искать крайнего».

— Валить? — Я огляделся. Дверь в подвал была открыта, но перед ней как раз сцепились двое — здоровенный детина с разбитым носом, которого, кажется, звали Лом (хотя он уже должен быть в нокауте, но видимо, берсерк-суп творил чудеса с выносливостью), и тощий бандит со шрамом, который ещё недавно грозил мне арбалетом. Они катались по полу, и пройти мимо них, не вляпавшись в драку, казалось невозможным.

— А если они меня заметят? — спросил я шёпотом.

«А если не заметят? — философски парировала Книга. — Риск — дело благородное. Сидеть тут и ждать, пока они успокоятся, можно до утра. А утром Крут очухается и вспомнит, что ты сварил этот суп. И тогда тебе точно крышка. Так что выбирай: или бежать сейчас, или потом объяснять, почему у всей банды коллективное помешательство и кто добавил в суп секретный ингредиент».

Я представил, как Крут приходит в себя, смотрит на разгромленный подвал, на валяющихся без сознания товарищей и спрашивает: «А где тот повар?». Ответ очевиден. Меня найдут, даже если я спрячусь на дне самого глубокого колодца.

— Ладно, — выдохнул я. — Бежать так бежать.

Я осторожно отлепился от стены, стараясь не шуметь. Под ногами хлюпала жижа из супа, смешанная с грязью и, кажется, кровью. Воняло так, что глаза слезились, а желудок подкатывал к горлу. Но выбора не было.

Сковорода — моя верная чугунная спутница, пережившая со мной и земную жизнь, и попадание в этот мир, и драку с бродягами, — валялась рядом, там, где я её бросил, когда начался хаос. Я подхватил её левой рукой, правой прижимая Книгу. Получилось неудобно, сковорода была тяжёлой, но я чувствовал себя немного увереннее с этим импровизированным щитом. Бабушка всегда говорила: «Хорошая сковорода и накормит, и защитит». Наверное, не в прямом смысле, но сейчас пророчество сбывалось.

— Главное — не привлекать внимания, — прошептал я, делая первый шаг к двери.

«Ага, ага. Ты прямо как ниндзя. Только ниндзя обычно не чавкают по луже из супа и не разговаривают с книгами. Но давай, вперёд, герой».

Я и правда чавкнул. Громко, со смачным хлюпаньем, от которого эхо прокатилось по подвалу. Один из дерущихся, тот самый тощий со шрамом, на мгновение оторвался от своего противника и мутным взглядом уставился в мою сторону. В его глазах плескалось непонимание пополам с животной яростью.

— Там… там кто-то… — прохрипел он, пытаясь сфокусироваться.

Но Лом, не будь дурак, тут же заехал ему кулаком в челюсть. Тощий отключился, обмяк и рухнул на пол, даже не пискнув.

Я выдохнул. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь пульсом в висках.

Ещё три шага. Я старался ступать осторожно, но лужа была везде. Я перешагнул через чью-то ногу, обогнул опрокинутый ящик, из которого высыпалась гнилая картошка, и вот она — дверь. Метрах в двух от меня. Свобода.

Но прямо на пороге, заслоняя проход, катались по земле Крут и Хрыч. Они вцепились друг в друга мёртвой хваткой, рыча и матерясь так, что уши закладывало.

— Я ТЕБЯ, ГАД! Я ТЕБЯ СЕЙЧАС! — орал Крут, пытаясь прижать Хрыча к полу.

— А Я ТЕБЯ! Я ТЕБЯ ДАВНО ЖДАЛ! — отвечал Хрыч, брыкаясь ногами и норовя достать Крута коленом в пах.

Они перекрывали выход идеально, как два разъярённых бульдозера. Чтобы выбраться, нужно было либо перелезть через них, либо оттащить, либо ждать, пока они откатятся в сторону. Вариант с ожиданием отпадал — тощий мог очнуться в любой момент, а у него, судя по всему, был арбалет, валявшийся где-то в углу.

— Что делать? — спросил я Книгу шёпотом, чувствуя, как по спине течёт холодный пот.

«А я откуда знаю? — отозвалась она. — Я книга, а не тактик. Я могу научить тебя варить борщ или отличать свежее мясо от тухлого, но стратегия побега из бандитского логова — это не мой профиль. Но если хочешь мой совет — беги, пока они заняты друг другом. Перепрыгни. Или проползи. Они сейчас никого не видят, кроме друг друга. У них там любовь до гроба, в прямом смысле».

— Легко сказать «перепрыгни» … — пробормотал я, оценивая расстояние.

Крут и Хрыч как раз откатились чуть в сторону, освободив небольшой проход у самого косяка. Сантиметров пятьдесят, не больше. Но протиснуться можно, если очень постараться и если они не заметят.

Я сделал глубокий вдох, задержал дыхание, прижал Книгу зубами (она возмущённо пискнула, но стерпела, только чертыхнулась мысленно), сковороду выставил вперёд и, стараясь не дышать, начал протискиваться в щель.

Сантиметр за сантиметром. Воняло от Крута так, что глаза слезились, — потом, железом, кровью и почему-то кислой капустой. Он рычал прямо над ухом, его локоть врезался мне в бок, но я закусил губу и терпел. Хрыч лягался, и его нога прошла в сантиметре от моего лица, едва не задев сковороду.

Я зажмурился и полез дальше.

И вдруг Крут замер.

Он перестал рычать, перестал молотить Хрыча, перестал дёргаться. Просто замер и медленно, очень медленно повернул голову. Его глаза, налитые кровью, с трудом сфокусировались на мне. В них плескалось что-то нечеловеческое, звериное, но сквозь это безумие пробивался слабый, мерцающий огонёк узнавания.

— А… а это кто? — прохрипел он, не до конца соображая, кто я и что тут делаю. — Ты… ты наш? Или… или их? Ты чей, вообще?

— Я… я свой! — выпалил я первое, что пришло в голову. Голос предательски дрожал, но я старался говорить уверенно. — Я с вами! Я… тот самый повар! Который суп сварил! Вкусный суп, помнишь? Ты сам сказал — отлично!

Крут моргнул. На его лице отразилась сложная работа мысли — видимо, ему требовалось огромное усилие, чтобы вспомнить события последнего часа.

— Суп… — протянул он, и голос его стал чуть спокойнее. — Суп… да, был суп… вкусный… — И вдруг его глаза снова налились яростью, зрачки расширились. — А ПОЧЕМУ Я ТОГДА ТАКОЙ ЗЛОЙ?! ПОЧЕМУ У МЕНЯ ВСЁ БОЛИТ?!

— Это… это такой эффект! — затараторил я, пятясь к выходу и молясь, чтобы он не схватил меня свободной рукой. — Суп с перчинкой! Для бодрости! Для силы! Чтобы врагов побеждать! Ты же хотел силы? Вот она! Это же хорошо — злость! Злость помогает в драке!

Крут на секунду задумался, переваривая информацию. Потом кивнул, и на его лице появилось подобие довольной улыбки:

— Сила… да, сила хороша… злость — это правильно… — И тут же снова вцепился в Хрыча с удвоенной энергией. — А ну давай, покажем, какая у нас сила! Давай, Хрыч, не подведи!

Он снова ушёл в драку, забыв про меня, как будто меня и не было. Я пулей вылетел в дверь, едва не споткнувшись о порог и чудом удержав равновесие.

В коридоре было темно, хоть глаз выколи, но слышались такие же крики и грохот — эффект супа добрался и до верхних помещений. Кто-то орал дурниной, кто-то бил посуду, кто-то просто матерился в темноте, судя по звукам, колотя кулаками в стену. Я побежал, ориентируясь на слабый свет в конце коридора, откуда доносился запах свежего воздуха — такой родной, такой спасительный запах свободы.

— Живой! — выдохнул я, выскакивая на улицу.

Ночь встретила меня прохладой и звёздами. Яркие, крупные, они висели над головой, как спелые яблоки, и на их фоне чёрными силуэтами вырисовывались крыши лагерных построек. Лагерь бандитов напоминал поле битвы после большого сражения. Везде, куда ни глянь, дрались люди. Кто-то катался по земле у костра, и искры от костра летели во все стороны, поджигая сухую траву. Двое лупили друг друга досками от разломанного забора, с диким уханьем и матом. Двое мутузили друг друга прямо в луже у колодца, поднимая тучи брызг. Лошади в загоне дико ржали и били копытами, явно нервничая из-за шума и пытаясь выломать дверь.

Я перевёл дух, прижимаясь спиной к стене, и попытался сориентироваться. Ворота были справа, метрах в пятидесяти. Путь к ним лежал через эпицентр побоища. Но расслабляться было рано. Из подвала, откуда я только что выскочил, донёсся тяжёлый топот — кто-то бежал по лестнице, топая, как слон в тесной пещере.

Я обернулся и увидел, как из двери подвала вылетает Крут.

Он был страшен. Без рубашки, весь в крови — своей и чужой, — с безумными глазами, которые горели в темноте, как у волка. В руке у него сверкал здоровенный тесак — тот самый, гномьей работы, которым я резал мясо. Лезвие блестело в свете звёзд, и на нём тоже была кровь.

— СТОЯТЬ! — заорал Крут, заметив меня. — СТОЯТЬ, ПОВАРЁНОК! Я С ТОБОЙ ЕЩЁ НЕ ЗАКОНЧИЛ!

— Ах ты ж… — выдохнул я и рванул со всех ног.

Куда бежать — я не знал. Вокруг была драка, но дрались бандиты между собой, на меня пока никто не обращал внимания. Я петлял между дерущимися, как заяц, перепрыгивал через валяющиеся тела, уворачивался от летящих предметов — мимо уха просвистела чья-то миска, за ней — полено, за ним — чей-то сапог.

— ДЕРЖИ ЕГО! — орал Крут сзади.

Но держать меня было некому — все были заняты. Кто-то пытался, отвлекаясь от своей драки, но тут же получал по голове от своего же противника и выбывал из погони. Я бежал, не разбирая дороги, перепрыгивая через кострища, через лужи, через чьи-то растопыренные руки и ноги.

Я уже почти добежал до ворот, до спасительного проёма, за которым начиналась дорога в город, как вдруг сзади раздался свист рассекаемого воздуха — резкий, пронзительный, от которого кровь стынет в жилах.

Я не думал. Тело сработало быстрее головы. Я инстинктивно пригнулся и выставил сковороду над головой, зажмурившись.

ДЗЫНЬ!

Нож Крута врезался в чугун, высекши целый сноп искр, которые рассыпались вокруг, как фейерверк. Удар был такой силы, что у меня зазвенело в ушах, а руку, держащую сковороду, пронзила острая боль — от плеча до самых кончиков пальцев. Но я устоял. Не упал. Сковорода выдержала.

Я открыл глаза и увидел, как нож отскочил от сковороды и, сверкнув в воздухе, воткнулся в землю в нескольких метрах от меня.

«КРУТО! — заорала Книга у меня за пазухой так, что у меня чуть барабанные перепонки не лопнули. — ТЫ ТОЛЬКО ЧТО СКОВОРОДОЙ КАК ЩИТОМ ВОСПОЛЬЗОВАЛСЯ! Я ЭТО ЗАПИШУ! В ЛЕТОПИСЬ! В ЗОЛОТЫЕ СКРИЖАЛИ! ЭТО ЖЕ ЛЕГЕНДАРНЫЙ МОМЕНТ!»

— Помолчи и держись! — рявкнул я, понимая, что второй раз могу не успеть — рука онемела и плохо слушалась.

Крут уже бежал ко мне, размахивая следующим ножом (откуда у него их столько? может, у них там склад оружия?). Я рванул к воротам из последних сил, чувствуя, как горят лёгкие и подкашиваются ноги.

Ворота были открыты — охрана, которая должна была стоять на входе, сейчас самозабвенно душила друг друга у костра, и до них не было никакого дела.

Я вылетел за ворота и, не оглядываясь, понёсся по дороге в сторону города. Ноги несли сами, адреналин зашкаливал, застилая глаза красной пеленой. Сзади слышались крики, грохот, мат — бандиты продолжали выяснять отношения. Крут, кажется, отстал — то ли его снова кто-то отвлёк, то ли он просто выдохся и потерял меня из виду в темноте.

Я бежал, пока хватало сил. Лёгкие горели огнём, в боку кололо так, что хотелось лечь и умереть, но я не останавливался. Только когда огни лагеря скрылись за поворотом, а крики стихли вдалеке, я позволил себе перейти на шаг, а потом и вовсе рухнуть на колени прямо посреди дороги, хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

— Всё… — прохрипел я, чувствуя, как дрожат ноги и руки. — Кажется… всё… Жив… Невероятно…

Книга вывалилась из-за пазухи и шлёпнулась в пыль, слабо светясь в темноте.

«Ну ты и бегаешь, — прокомментировала она, и в её голосе слышалось неподдельное уважение. — Я аж укачалась. Все страницы перепутались. Но молодец. Выбрался. И сковородой от ножа отбился — это вообще высший пилотаж. Никогда не думала, что чугунная посуда может быть таким эффективным средством самообороны. Я горжусь тобой. Правда».

Я посмотрел на сковороду. На ней красовалась глубокая вмятина — след от ножа Крута. Чугун треснул в одном месте, но в целом сковорода выдержала. Бабушкина сковорода спасла мне жизнь. Во второй раз.

— Спасибо, бабуль, — прошептал я, поглаживая шершавый чугун, всё ещё тёплый после удара. — Ты меня и на том свете не бросила, и в этом выручаешь.

«Она бы тобой гордилась, — тихо сказала Книга, без обычной язвительности. — Ты сегодня не просто выжил. Ты победил. Ну, почти. По крайней мере, сбежал. Это тоже победа, если подумать. Главное в жизни — уметь вовремя убежать, чтобы потом вернуться и отомстить. Или хотя бы посуду помыть».

Я перевёл дух, поднялся на ноги, чувствуя, как дрожь постепенно уходит, и побрёл дальше, в сторону мерцающих вдалеке огней Гурманграда. Город манил теплом, безопасностью и, как ни странно, даже Гуннаром с его вечными криками.

— Интересно, что там Гуннар? — спросил я, пытаясь отдышаться. — Он же меня продал этим психопатам. Как он там, интересно, спит? Совесть его не мучает?

«А что Гуннар? — хмыкнула Книга. — Гуннар сейчас, наверное, прячется под стойкой и молится всем богам, чтобы ты не вернулся. А если вернёшься — чтобы не сразу убил. Но ты вернёшься. И устроишь ему весёлую жизнь. Я в этом не сомневаюсь».

— Устрою, — пообещал я. — Обязательно устрою. Так устрою, что он своих бандитов вспомнит добрым словом. Надо будет завтра в «Третий позвонок» наведаться. Во-первых, рюкзак забрать. Во-вторых, Кривого проведать. А в-третьих… с Гуннаром поговорить по душам. Сковородой.

Я шёл по тёмной дороге, сжимая в одной руке сковороду со вмятиной, в другой — Книгу, и чувствовал себя… почти счастливым. Странное, непривычное чувство для человека, который полжизни был неудачником. Впервые за долгое время я сделал что-то правильно. Сварил суп, который спас мне жизнь. Отбился от бандитов. Выжил в ситуации, где выжить было практически невозможно.

— Бабушка, — сказал я в ночное небо, глядя на звёзды. — Кажется, я начинаю понимать, что значит «готовить с душой». Это когда ты вкладываешь в еду всё, что у тебя есть, и даже больше. Весь свой страх, всю свою надежду, всю свою любовь. И тогда она отвечает тебе тем же. Спасибо тебе. За науку.

«Философ, — фыркнула Книга, но в её голосе чувствовалось тепло. — Давай лучше подумаем, как мы будем объяснять страже, почему от нас разит супом и кровью, а в руках сковорода со вмятиной от боевого ножа, и при этом мы выглядим как бомжи после драки с медведем. Это будет весёлый разговор».

— Придумаем, — отмахнулся я. — Главное, что мы живы. А остальное — детали.

Я сделал несколько шагов, прислушиваясь к ночным звукам. Где-то в лесу ухала сова, стрекотали сверчки, пахло травой и сыростью. И вдруг, откуда-то сзади, из темноты, откуда я только что пришёл, донёсся не просто крик дерущихся — этот звук я уже научился различать, — а чей-то злой, осмысленный, полный ненависти вопль, перекрывающий общий гомон:

— В город побежал! Живым взять! Он нам за всё ответит! Чтоб землю грыз, гад!

Я резко обернулся, вглядываясь в темноту. Ничего. Только чёрные тени деревьев, только ветер шевелит листву, только где-то далеко-далеко, может быть, в лесу, а может быть, уже в голове, — топот нескольких пар ног.

— Ты слышала? — спросил я шёпотом, чувствуя, как по спине снова пробегает холодок.

«Слышала, — после паузы ответила Книга, и в её голосе впервые за вечер не было шуток. — Слышала. И это не галлюцинации. Тебе не показалось. Кто-то там ещё сохранил способность соображать. Или уже очухался».

— Но как? Они же все дрались! Они все жрали этот суп!

«Видимо, не все. Кто-то в дозоре был. Кто-то проспал. Кто-то не любит суп. Всякое бывает. Главное не в этом. Главное — что теперь за тобой погоня. Настоящая, осмысленная погоня. Не безумные берсерки, а злые, трезвые люди, которые хотят тебя поймать».

Я сглотнул. Только что я думал, что всё кончилось. Что я в безопасности. Что можно выдохнуть.

— И что делать?

«А что делать? — Книга вздохнула. — Бежать дальше. Ты же умеешь. У тебя талант. Беги, Антон. Беги в город. Там стены, там стража, там люди. Может, успеешь. А может, и нет. Но стоять на месте точно нельзя».

Я кивнул, хотя Книга этого и не видела. Развернулся и, забыв про усталость, про боль в ногах, про горящие лёгкие, побежал снова. Побежал так быстро, как только мог, туда, где мерцали огни Гурманграда, где была надежда на спасение.

Сзади, где-то в лесу, всё ещё гремела бандитская драка, но теперь к этому шуму примешивалось что-то ещё — ритмичный, тяжёлый топот нескольких пар ног, приближающийся или удаляющийся? — в темноте было не разобрать.

Главное было — не останавливаться.
Ни за что не останавливаться.

Глава 6: Паркур с антипригарным покрытием

Бежал так, как никогда в прошлой жизни не бегал, проваливаясь в темноту. Ноги уже не чувствовали земли — только жгли, как два костра, которые вот-вот погаснут. Лёгкие разрывались, в ушах стучала кровь, а сзади, где-то в лесу, всё ещё гремела бандитская драка, перекрываемая злым, осмысленным криком: «В город побежал! Живым взять!»

«Беги-беги, — ожила Книга, и в её голосе прорезались привычные язвительные нотки. — Только не надорвись, герой. А то помрёшь от разрыва сердца — и вся моя работа насмарку. Кому я потом буду объяснять, как яйца жарить?»

— Не до тебя, — прохрипел, перепрыгивая через упавшее бревно. — Помогай лучше.

«А что тут помогать? Ты бежишь, они бегут. Кто быстрее — тот и жив. Это не магия, это физкультура. А с твоей физкультурой, как я понимаю, были сложные отношения».

Дорога до Гурманграда растянулась в бесконечность. Казалось, что огни города не приближаются, а наоборот, уходят куда-то вбок, издеваясь. Споткнулся о корень, упал, ободрал ладони, вскочил и побежал дальше, не оглядываясь.

«Грациозно, — прокомментировала Книга. — Прямо танец дикого лося в период гона. Судьи ставят девять баллов за технику падения и ноль за приземление».

— Я сейчас тебя в канаву выкину, — прошипел, чувствуя, как кровь стучит в висках.

«Выкинешь — будешь один объяснять Круту, почему у него полбанды в сене застряло. А я, между прочим, ценный артефакт. Меня на рынке купят. А тебя — сварят. Так что беги, беги, моё удовольствие».

Городские стены возникли внезапно, будто выросли из темноты. Ворота были открыты — стража лениво переругивалась у костра, не обращая внимания на полуночных беглецов.

Проскочил внутрь, влетел в узкий переулок, прижался спиной к холодной стене и замер, пытаясь отдышаться.

«Отлично, — ехидно заметила Книга. — Первый этап пройден. Теперь ты в городе, где тебя тоже ищут. Прогрессналицо. Буквально — лицо у тебя сейчас как раз то самое, на которое стражники любят вешать ориентировки».

Сзади, где-то у ворот, послышались голоса:

— Эй, вы! Куда ломитесь? Стоять!

— А ну пропусти, стражник! Дело есть!

— Какое дело в такой час? Пьяные, что ли?

— Не твоё собачье дело! Пропусти, кому сказал!

— Ах ты…

Дальше разобрать было невозможно — слова тонули в треске и мате. Воспользовавшись суматохой, рванул дальше, петляя по переулкам, пока не выскочил на знакомую улицу. Рынок. Ночной рынок Гурманграда — это совсем не то, что днём. Лотки заперты, прилавки накрыты рогожей, только кое-где горят масляные фонари, бросая длинные, дрожащие тени. Но впереди, у самых рыбных рядов, кто-то возился — видно, ранний торговец уже разгружал товар.

Не успел перевести дух, как сзади послышался топот. Много ног. И злые голоса:

— Вон он! Я его видел! Свернул к рынку!

— Догоним, гад!

«Ну что, олимпийский чемпион, — весело сказала Книга. — Второй забег. На старт, внимание…»

Рванул вперёд, понимая, что, если сейчас остановлюсь — всё кончено.

Влетел в толпу ранних торговцев и покупателей, как горячий нож в масло — вернее, как перепуганный повар в суп из завтраков. Люди расступались, кто-то ругался, кто-то шарахался, а я, не сбавляя скорости, нырял между лотками, оставляя за собой шлейф из опрокинутых корзин и возмущённых криков.

— Дорогу! Дорогу, мать вашу!

— Куда прёшь, идиот!

— Ах, ты мои помидоры! Сто-ой!

Слева тянулись рыбные ряды. Скользкие прилавки, уставленные деревянными лотками с серебристой плотвой, пузатыми карпами, вяленой воблой, которая висела на верёвках, как грязные носки после стирки. Запах здесь стоял такой, что глаза слезились, но я нырнул в него, надеясь, что бандиты закашляются и отстанут.

Не отстали.

Клык — тощий, щербатый, с ножом — прорвался следом, едва не наступив на чью-то корзину с раками. Те защёлкали клешнями, торговка взвизгнула и запустила в него мокрой тряпкой.

— Ах ты, падаль! — заорала она, но Клык уже нёсся дальше, только сплюнул в ответ.

Вылетел из рыбных рядов, перемахнул через бочку с солёной рыбой — нога зацепилась за край, кубарем покатился по доскам, больно ударившись плечом. Вскочил, хромая, и тут же нырнул под прилавок с пирожками. Надо мной просвистела чья-то скалка — это толстая торговка, чей лоток задел, решила внести свой вклад в поимку беглеца.

— Держи его! — заорала она голосом, способным разбудить мёртвого.

Выскочил с другой стороны прилавка и побежал дальше, петляя между рядами. Справа — овощной ряд. Горы моркови, свёклы, лука, капустные кочаны, похожие на зелёные пушечные ядра. Рванул туда, надеясь, что хаос укроет.

Кто-то схватил за рукав. Дёрнулся — ткань затрещала, но не порвалась. Пальцы вцепились крепко. Дёрнул сильнее, развернуло — перед носом стоял здоровенный мужик в засаленном фартуке, с лицом, которое явно не предвещало ничего хорошего.

— Ты чей, паря? — пробасил он, сжимая куртку. — По рынку бегать — это деньги платить, понял?

— Пустите! — Дёрнулся, но он держал мёртво.

Сзади послышался топот. Клык вынырнул из-за лотка, сверкая ножом.

— Ага, попался, мудень! — заорал он.

Мужик в фартуке перевёл взгляд с меня на бандита, с бандита на нож, и вдруг его лицо изменилось. Разжал пальцы так резко, будто обжёгся.

— Это не моё! — сказал он и отшатнулся, поднимая руки. — Вообще не моё! Я не в курсе!

Рванул вперёд, едва не упав. Позади раздался рык Клыка:

— Стой, гнида! Я тя в грязь мордой!

Но я уже нырял между горшками с квашеной капустой. Пахнуло кислым, резким, глаза защипало, но не останавливался. Перепрыгнул через ящик с репой, зацепился ногой за край и полетел в груду пустых корзин. Те затрещали, разлетелись в стороны, покатился, вскочил, отплёвываясь от щепок, и побежал дальше.

Толпа вокруг уже начала понимать, что происходит. Кто-то шарахался, кто-то, наоборот, пытался схватить — видимо, в надежде на награду. Чья-то рука цапнула за ворот, дёрнулся, пуговица отлетела, звякнув по доскам. Другая рука ухватила за лямку рюкзака — дёрнулся, развернулся, выставил сковороду, и хватка ослабла. Женщина в платке отшатнулась, выронив кошелёк.

— Извините! — крикнул на бегу. — Потом верну!

Она что-то заорала вслед, но я уже сворачивал за угол лотка, где торговали зеленью. Связки укропа, петрушки, пучки дикого лука свисали с перекладин, как зелёные водопады. Нырнул под них, чувствуя, как листья хлещут по лицу, пахнет свежестью и землёй. Бандиты за мной тоже нырнули, но запутались в связках — сзади послышалась ругань и треск.

— Твою ж мать! Куда он делся, выродок?!

— Да вон он, в зелени! Лови, я ща ему…

Выскочил из зелёного плена, пробежал ещё несколько метров и вдруг нос к носу столкнулся с Клыком. Тот, видимо, решил отрезать с другой стороны.

— А вот и ты, поварёныш, — прохрипел он, протягивая руку.

Шарахнулся в сторону, уходя от хватки, и тут же налетел на чью-то тележку. Тележка покатилась, ухватился за край, чтобы не упасть, и она понесла по ряду, сшибая всё на своём пути. Горшки с соленьями летели в стороны, рассол заливал доски, кто-то орал, кто-то проклинал всё на свете.

— Тормози! — крикнула Книга.

Отпустил тележку, кубарем покатился по мокрым доскам, вскочил и тут же понял, что левая нога не слушается — подвернул. Захромал, оглядываясь. Клык прорывался сквозь толпу, Лом — он всё-таки выбрался из рыбных рядов — пёр напролом, расталкивая всех локтями и матерясь на чём свет стоит. А третий, Кряж, просто шёл следом, не спеша, уверенно, перехватив топор поудобнее. На его лице, перечёркнутом шрамом через бровь, не было злости — только холодное спокойствие. И он что-то тихо напевал себе под нос, однообразную, тягучую мелодию, от которой мурашки бежали по спине.

Тупик. С трёх сторон бандиты, с четвёртой — стена дома с приставленной лестницей.

— Туда! — выдохнула Книга.

Рванул к лестнице, перепрыгивая через корзины, уворачиваясь от летящих в меня огрызков. Сзади грохотало — Клык почти настигал. Ухватился за перекладину, подтянулся, поставил ногу, вторую — и полез. Пальцы скользили по мокрому дереву, сковорода за спиной противно звякала, ударяясь о ступеньки, но я лез. Лез так быстро, как никогда в жизни не лазил даже по шведской стенке на физре.

— Стоять, падаль! — заорал снизу Клык, хватая за штанину.

Лягнулся, попал ему по лицу, тот отпустил, и я рванул вверх. Перемахнул через край крыши и оказался на покатой черепичной поверхности, которая сразу же попыталась сбросить.

Ноги поехали. Замахал руками, как ветряная мельница на урагане, черепица сыпалась из-под подошв, куски летели вниз, разбиваясь о мостовую. Сзади висела пустота, и я, чувствуя, как земля притягивает за шкирку, рухнул на четвереньки, вцепившись в шершавую глину. Черепица больно врезалась в колени, но удержался.

— Твою мать, — прошептал, не смея пошевелиться.

«Отличный вид! — прокомментировала Книга. — Сверху хотя бы видно, куда падать. И отсюда твоя глупость выглядит ещё глупее, чем обычно».

— Отвали! — прошипел, осторожно поднимаясь. Руки тряслись, колени дрожали, но кое-как выпрямился, расставив ноги пошире, чтобы не улететь вниз.

Внизу, под стеной, Клык и Лом уже карабкались по лестнице. Первым лез Клык — цепко, быстро, перебирая руками, как обезьяна, и при этом поливая отборным матом:

— Слезай, червь! Я тя сейчас достану, кишки на ворота намотаю!

За ним пыхтел Лом, лестница жалобно скрипела, готовая вот-вот развалиться.

— Да я тя, козёл, в грязь лицом, будешь рыбу вонючую жрать!

Кряж остался внизу, но уже обходил дом, явно собираясь сторожить выход. Он по-прежнему напевал что-то себе под нос, и это было страшнее криков.

Начал пятиться, осторожно переставляя ноги, стараясь не наступать на черепицу всей ступнёй. Каждый шаг сопровождался хрустом и лёгким скольжением. Рыночный шум внизу казался далёким, приглушённым, будто смотрел на него через толщу воды. Здесь, наверху, был только я, покатая крыша и трое бандитов, которые лезли следом.

— Антон, — шепнула Книга. — Если они тебя здесь поймают — я скажу Круту, что ты специально сварил этот суп. Может, меня не тронут. Я ж ценная.

— Спасибо за поддержку, — процедил сквозь зубы. — Ты прямо как Гуннар.

«Это комплимент?»

— Это диагноз.

Клык перевалился через край, вцепился в карниз, подтянулся и, тяжело дыша, встал на четвереньки. Увидел меня — глаза злые, щербатый рот кривится.

— Стой, отрыжка! — рявкнул он, пытаясь подняться.

Нога соскользнула, едва не рухнул, но ухватился за торчащую планку обрешётки. Выругался сквозь зубы — длинно, витиевато, с упоминанием всех родственников до седьмого колена, — нашёл опору и наконец выпрямился, расставив руки для равновесия.

Продолжал пятиться, чувствуя спиной холодную кирпичную кладку трубы. Слева темнел прямоугольник слухового окна — старая деревянная рама без стекла, за которой чернела пустота чердака. Справа — дымоход, из которого слабо тянуло дымом. Внизу, метрах в трёх, булыжная мостовая, и падать на неё с такой высоты — удовольствие сомнительное.

Лом наконец вскарабкался следом. Он был тяжелее, неуклюжее, и когда поставил ногу на черепицу, та не выдержала — раздался треск, и он провалился по колено, заорал, забил руками.

— Держись, дубина! — крикнул Клык, пытаясь ухватить его за руку.

— Сам ты дубина! — Отмахнулся Лом, вытаскивая ногу и оставляя в крыше дыру, из которой посыпалась труха и штукатурка. Встал, тяжело дыша, лицо красное, злое.

— Я ему сейчас… я ему рожу…

— Не спеши, — оборвал Клык, сплюнув. — Крыша хреновая, по одному. А то оба в дерьмо свалимся.

Они двинулись на меня. Клык шёл первым, ступая осторожно, проверяя каждую черепицу. Лом — за ним, наступая след в след, и бормотал под нос:

— Убью, выродка. В капусту порублю. Крут сказал живым, а я сказал — пусть сам и берёт…

Черепица под ними хрустела, но пока держалась.

Отступал. Пятка упёрлась в трубу — дальше некуда. Слева — слуховое окно, справа — край крыши, за которым пустота. Сердце колотилось так, что слышал удары в висках.

— Куда теперь, поварёныш? — Клык достал нож, блеснул им в свете уходящего дня. — Крыша кончается. И ты с ней.

— Иди сюда, — прохрипел Лом, протягивая ручищи. — Я тя быстро, ты даже пискнуть не успеешь.

«Антон, — голос Книги вдруг стал тихим и почти спокойным, — если ты сейчас не придумаешь какую-нибудь гениальную глупость, мы оба покойники. Я буду пылиться на чердаке, а тебя скормят собакам».

— Гениальную глупость? — прошептал, чувствуя, как пот заливает глаза. — Это моя специальность.

Клык сделал шаг. Черепица треснула, но он удержался, перешагнул через трещину. Ещё шаг. Прижался спиной к трубе, сжимая сковороду. Рука вспотела, металл скользил.

— Крут сказал живым, — напомнил Лом.

— Живым и возьмём, — кивнул Клык. — Просто помятым немного. Чтоб знал, как суп варить из дерьма.

Он протянул руку, чтобы схватить за ворот.

Дёрнулся в сторону, к слуховому окну, надеясь юркнуть в него, но Клык перехватил, вцепился в лямку рюкзака. Рюкзак дёрнулся, Книга внутри возмущённо пискнула, но вывернулся, оставив в его руке только лямку — та оторвалась с противным треском.

— Ах ты сука! — рявкнул Клык, теряя равновесие. Взмахнул руками, пытаясь удержаться, и наступил на ту самую черепицу, которая уже треснула.

Она провалилась под его весом с громким хрустом. Клык заорал, его нога ушла в дыру по бедро, дёрнулся, пытаясь вытащить, но только расширил пролом. Черепица сыпалась вниз, и он, взмахнув руками, рухнул в темноту чердака, увлекая за собой облако пыли и трухи.

— Лом! — крикнул Лом, глядя на дыру. — Ты жив, мудень?

Из чердака донёсся глухой удар, мат и шум осыпающейся штукатурки.

— Кажется… сено… — донеслось снизу. — Вылезу… только эту херню с себя…

Лом перевёл взгляд на меня. В его глазах горела такая злоба, что невольно попятился — и упёрся спиной в трубу. Снова тупик.

— Остались ты и я, повар, — прорычал он, делая шаг.

Черепица под ним треснула. Замер, но не провалился — только присел, перераспределяя вес. Встал, осторожно переступил через дыру, в которую свалился Клык, и двинулся ко мне.

— Крут сказал: живым, — повторил он, как заклинание. — Но, если я тебя немного помну… это не считается. Крут не узнает. А если узнает — пошлю его на хер.

Размахнулся, чтобы схватить, но его нога попала на край пролома — ту самую черепицу, которая уже держалась на честном слове. Она лопнула, он дёрнулся, взмахнул руками, пытаясь ухватиться за край крыши, но пальцы соскользнули с мокрой глины.

— А-а-а, тварь! — заорал он и с грохотом рухнул в ту же дыру, что и Клык.

Снизу раздался двойной вопль, треск, и наступила тишина.

Стоял, тяжело дыша, прижимаясь спиной к трубе. Потом медленно, шатаясь, отошёл от края дыры и посмотрел вниз. В проломе было темно, но оттуда всё ещё доносилась приглушённая возня и ругань — двое бандитов, судя по звукам, пытались выбраться из кучи сена, матеря всё на свете.

«Минус один, — констатировала Книга. — И минус два. Отличный ход!»

— Они живы? — спросил, пытаясь отдышаться.

«Живы, жалко. Но вылезут не скоро. Пока они там копошатся, у тебя есть время. Но не расслабляйся — третий остался».

Перевёл дух. Ноги дрожали, руки тряслись, но внутри разливалось странное, незнакомое чувство. Сделал это. Выжил. Удрал от двоих. Но…

Выглянул за край крыши. Внизу, у стены, кружил Кряж. Он больше не напевал — задрал голову, увидел меня, и его лицо перекосилось. Топор блеснул в скудном свете уходящего дня.

— Сиди там, повар! — крикнул он, сплюнув. Голос низкий, рокочущий, как камнепад. — Я иду! И когда достану — пожалеешь, что суп этот сраный сварил! Крут сказал живым, но он не сказал — с руками или без!

И полез.

Отшатнулся от края, чувствуя, как сердце снова ухает в пятки. Лестница, по которой лезли, всё ещё стояла на месте. Кряж уже взобрался на неё, перебирая руками, и через несколько секунд должен был оказаться на крыше.

Огляделся в поисках выхода. Впереди, за дырой, виднелся другой край крыши. А дальше — пустота. Широкий переулок, отделяющий этот дом от соседнего. Слишком широкий. С его физподготовкой — точно не перепрыгнуть.

Сзади, снизу, послышался скрип — Кряж начал подниматься. Лестница ходила ходуном под его весом.

— Сейчас я до тебя доберусь, поварёныш! — донеслось снизу. — Я из тебя отбивную сделаю! Будешь у меня знать, как суп варить из дерьма!

Прижался к трубе, чувствуя, как дрожат колени. Сковорода в руке казалась бесполезной. В голове пульсировала одна мысль: «Тупик. Высокая крыша, широкий переулок, бандит с топором. И никакого выхода».

— И что теперь? — прошептал, глядя на Книгу, которая вывалилась из порванного рюкзака и лежала на черепице, слабо светясь.

«А теперь, — голос Книги стал непривычно серьёзным, без обычной язвительности, — тебе придётся придумать что-то очень умное. И очень быстро. Потому что этот не провалится. Этот — самый упорный».

— Умное? — Нервно усмехнулся, чувствуя, как паника сжимает горло. — Двоечник. От физры бегал. Даже яичницу нормально пожарить не могу. Какое умное?

«То, что ты выжил в этом мире до сих пор, — уже умное. То, что сварил суп, который положил полбанды, — умное. То, что залез на эту крышу, — глупое, но ты жив. Так что думай, Антон. Бабушка не для того учила тебя готовить, чтобы ты сдался какому-то бандиту с топором».

Лестница скрипнула ещё раз. Кряж был уже на полпути. Сжал сковороду и перевёл взгляд на трубу, на слуховое окно, на край крыши, откуда недавно свалились двое.

Выхода не было. Пока не было.

Посмотрел на Книгу, на её слабое свечение, и вдруг понял, что она права. Не сдастся. Не сейчас. Не после всего.

— Ладно, — прошептал, сжимая сковороду так, что костяшки побелели. — Придумаем.

Снизу донёсся тяжёлый топот — Кряж был уже почти наверху.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.